

«ЕГО ОКРЕСТИЛИ ЛЕТНИМ ЖИВОДЕРОМ...» 23

Отрывок из триллера
Харлана Кобена

ФЕСТИВАЛЬ
НОВОЙ
КУЛЬТУРЫ
3

МАКСИМАЛЬНОЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
НАПРЯЖЕНИЕ
6

#3
(2273)

книжное обозрение

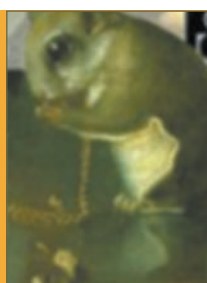
WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 В ГАРЕМ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ

Интернациональная комедия
Энтони Макартена

5 СТРАШНЫЙ КРАЙ ОБЕТОВАННЫЙ

Тони Моррисон
об Америке XVII века

17 МИР СПАСУ – И ОБРАТНО

Фантазии Кивинова
и Лукьяненко

29 января исполнилось 150 лет со дня рождения Антона Чехова. Отмечали тепло, без пушкинского фанатизма и – по-разному. В Москве 28 января на юбилейной выставке в Доме-музее А.П. Чехова Государственного Литературного музея руководитель Роспечати Михаил Сеславинский передал в петербургский филиал Архива Российской академии наук подлинник письма Чехова археологу и историку искусства Николаю Кондакову. В 2008 году это письмо, таинственно исчезнувшее из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, продали на аукционе «Кристис». Незвестный покупатель передал документ главе Роспечати. В торжественной церемонии возвращения послания классика приняли участие руководитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия /Росхранкультуры/ Александр Кибовский, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук Ирина Тункина, директор Государственного Литературного музея Марина Гомозкова, заведующая Домом-музеем А.П. Чехова Галина Щеболева, деятели науки и культуры.

В Петербурге пассажиры метро весь день слушали цитаты из рассказов и писем в исполнении председателя Комитета по культуре Антона Губанкова. Цитаты подбирались позитивные и душеполезные – «Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы», «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!»

В Таганроге – родном городе писателя – установили скульптуру известного чеховского персонажа – учителя гимназии Беликова из рассказа «Человек в футляре». Автором бронзовой скульптуры «Человек в футляре» стал ростовский скульптор Давид Бегалов. Памятник был открыт в среду, 27 января, сообщили в пресс-службе мэрии Таганрога. Открывал скульптуру «Человека в футляре» сам «Беликов», он был одет во все черное, в темных солнцезащитных очках. Скульптуру установили перед зданием бывшей мужской гимназии. Кода-то там учился сам писатель, сейчас в здании располагается Литературный музей А.П. Чехова.

[Окончание на стр. 2]

Чехову — 150!

Читайте в следующем выпуске «PRO»:

Наш колумнист Сергей Макаренков о проблемах регионального книгораспространения;

Обзор электронных устройств для чтения.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии

«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.

КНИГА НЕДЕЛИ

Несчастливы вместе

Малая проза у Йейтса по форме почти неотличима от большой — развесистые

СПб.: Азбука-классика,
2010. – 288 с. 18 000 экз. (п)
ISBN 978-5-9985-0760-1

Мария Мельникова

Умер ловец во ржи

27 января на 92-м году жизни умер Джером Дэвид Сэлинджер. Классик скончался от старости в своем доме-крепости в штате Нью-Хэмпшир, где он с 1965 года жил затворником, не впуская ни журналистов, ни паломников-поклонников, сочиняя для себя и бдительно следя за тем, чтобы никто не издавал его писем, не переиздавал ранних рассказов и не выпускал на радость массовому потребителю сиквелов «Над пропастью во ржи». Столь нарочитое отшельничество писателя, создавшего одну из самых добрых, нежных и психотерапевтических книг XX века, удивляло и раздражало. «Над пропастью во сне» — скандальные воспоминания дочери Сэлинджера Маргарет, больше всего похожие на сказку братьев Гримм, — шокировали и пугали (хотя, казалось бы, можно догадаться, что не от избытка счастья и душевной гармонии пишутся истории про рыбок-бананок, войну с эскимосами и десятилетних буддистах). Одни поговаривали, что классик-де давно исписался, другие выдвигали версию, что он, наоборот, полон сил творит под именем Томаса Пинчона. Юморист Джон Хогмэн и вовсе заявил, что Сэлинджер не умер, а просто решил еще дальше удалиться от общества. Теперь все это уже абсолютно не важно. Важно лишь то, что ушел папа Холдена Колфилда и родоначальник семейства Глассов. Человек, научивший нас беспокоиться об утках в пруду, поднимать выше внутренние стропила, не стесняться носить смешную кепку, создавать красивейшие философские теории на основе перевернутой строчки из песни, любить этот мир, каким бы мерзопакостным он не представлял твоему подростковому (да и не только подростковому) взору, и уметь принципиально оставаться ребенком и чудачком, когда все и вся требует от тебя немедленно стать как все.

Чехову – 150!

По всей стране прошло множество выставок, чтений, театральных представлений. В Екатеринбурге, в числе прочих мероприятий, посвященных юбилею, школьникам предложили поучаствовать в конкурсе на лучший sms-ответ на письмо Ваньки Жукова. Также обнародовали результаты опроса на тему, какое чеховское произведение является у россиян самым любимым. Убедительную победу в этом литературном хит-параде одержал «Вишневый сад», получивший 19% голосов. 9 % отечественных книголюбов предпочли «Палату № 6», для 9% россиян любимым чеховским произведением оказалась «Каштанка», 5% отдали свой голос за «Чайку» и по 4% получили «Дама с собачкой», «Дядя Ваня» и «Три сестры». 3% читателей сказали, что любят все, написанное Чеховым, и лишь 2% признались, что никогда его не читали. И наконец, 3% респондентов в качестве любимых чеховских произведений по ошибке назвали творения других авторов. Чехову «подарили» «Муму», «Гранатовый браслет», «Собачье сердце», «Морфий» Булгакова и даже «Капитал».

Издания, отрецензированные в номере

Аверинцевские чтения: К 70-летию со дня рождения академика С.С.Аверинцева	6
Бардески К. Месопотамия: Колыбель человечества.....	15
Бартов А. Ритм эпохи.....	9
Блюм М. Выбор и применение охотничьего оружия.....	8
Василенко С. Проза в столбик.....	9
Вивег М. Роман для женщин.....	4
Вильгельм М., Мэтисон Д. Аватар: Секретный доклад о биологии и истории Пандоры	15
Делерм Ф. Пузырь Тьеполо.....	4
Делински Б. Наша тайна	15
Дикий Е. Комерс	15
Добсон Р. Смерть можно вылечить и еще 99 невероятных медицинских гипотез о нас и о нашем здоровье.....	9
Жизнь есть дух: Композитор Алемдар Караманов	9
История «Русского балета»	24
Кивинов А., Лукьяненко С. Ночь накануне	17
Копейко Е. Охотничье и спортивное оружие мира. Германия.....	8
Корчевский Ю. Корсар.....	15
Кравченко В. Мясо помидора.....	9
Лакхманн Р. Дискурсы фантастического.....	16
Маккартен Э. Английский гарем.....	4
Моррисон Т. Жалость.....	5
Мэтьюз Р. Эпоха гладиаторов	15
Мяхар О. Дневник мага.....	15
Национальный корпус русского языка: 2006 – 2008. Новые результаты и перспективы.....	9
Пьецух В. Искусство существования.....	15
Сергеев С. Заговор	17
Скраливецкий Е. Кодзука.....	8
Учителя учителей: Очерки и воспоминания.....	9
Филологи-классики и славистика.....	6
Флэгг Ф. Рождество и красный кардинал	5
Хок Т. Профессия: скейтер.....	9
Хоффман Э. Признания на стеклянной крыше.....	5
Discipuli Magistro.....	6

Золото из России

Как рассказал журналистам возглавляющий российскую делегацию министр связи и массовых коммуникаций РФ Игорь Шеголев, президенту подарили также богато иллюстрированный альбом «Тысяча русских художников» и книгу о создателе стрелкового оружия Михаиле Калашникове, чьи «творения» пользуются неизменным авторитетом в арабских государствах. *«Хосни Мубарак признался, что всегда считал автомат Калашникова не более чем маркой», — заметил Игорь Шеголев, — он не знал, что это реальный и ныне здравствующий человек.* Президент Египта, который в свое время учился в России, при осмотре экспозиции нередко переходил на русский язык, вставляя фразы и задавая вопросы на языке, который он учил еще полвека назад, будучи студентом Военной академии имени М.В.Фрунзе в Москве. Часть экспозиции посвящена русскому художнику и книжному графику Ивану Билибину, который создал многие свои произведения в 20-х годах прошлого столетия в Каире. *«Мы привезли изданные на арабском языке русские сказки по иллюстрациям Билибина, — добавил Игорь Шеголев. — Хотим, чтобы не только наши дети, но и египетские школьники познакомились с его творчеством».* Всего же в Каир из России привезли порядка трех тысяч книг.

Британские победители

В Британии назвали имя лауреата литературной премии Costa в номинации «Книга года». Эта награда ежегодно присуждается авторам из Великобритании и Ирландии, и в этом году ее главным победителем стал Кристофер Рейд, автор стихотворного сборника «A Scattering», — лауреат Costa в номинации «лучшая поэтическая книга». Кроме него на «Книгу года» претендовали Кольм Тойбин (Colm Toibin) — «Brooklyn» (лучший роман), Рафаэль Селборн (Raphael Selbourne) — «Beauty» (лучший дебют), Грэм Фармело (Graham Farmelo) — «The Strangest Man» (лучшая биография) и Патрик Несс (Patrick Ness) — «The Ask and the Answer» (лучшая книга для детей). Каждый победитель в своей номинации получил чек на 5 тысяч фунтов стерлингов.

Выбор редакции

Полозкова В.
Непознание.
М.: Livebook, 2010. – 212 с. –
(LiveПоэзия).

Кристенсен Л.
**Цирк Кристенсена / Пер.
с норв. Н.Федоровой.**
М.: Иностранка, 2010. – 240 с. –
(The Best of Иностранка).

**лучшие
НАШИ
писатели**

Вадим АРМОЛИНЕЦ
**свинцовый
дирижабль**
ИЕРИХОН 86-89

Впервые
полностью
переводится
на русский
язык
из
немецкого
оригинала

Ярмолинец В.
**Свинцовый дирижабль:
Иерихон 86-89.**
М.: Олимп, Астрель, 2010. – 349 [3] с.
– (Лучшие наши писатели).

фестиваль новой культуры

событие

Сокращение пути

Вера Бройде

Конец января — это колючий мороз, холодный ветер со снегом, конец сессии у студентов. Праздники закончились, все вышли на работу или застряли дома, в тепле. Такое время, когда культурных событий, даже в Москве, не слишком много. А ведь хочется — свежести и новизны, чего-нибудь такого — технологически интересного.

Вот именно поэтому-то он и был задуман — Фестиваль новой культуры, который прошел в Москве в Центральном доме художника с 22-го по 24 января. «Я чуть-чуть вздрагиваю, когда произношу это название — новая культура, — сообщил на открытии один из главных создателей проекта, директор ЦДХ Василий Бычков. — *Поначалу мы думали о каком-нибудь имени, перебирали разные варианты, но в конце концов остановились на таком, потому что он точнее отражает саму задумку*». А задумка такова: фестиваль — большое, масштабное ежегодное в будущем мероприятие, посвященное новым разработкам в области культуры. Причем культуры, воспринимаемой не столько как искусство, сколько как образ жизни, жизненного пространства — то есть именно так, как ее видят преимущественно на Западе, а не у нас, добавляя тем самым этому, и без того широкому, понятию еще больше граней. И Фестиваль тоже охватывает едва ли не все направления в области культурной жизни, кроме разве что еды: всего 58 проектов — от стрит-арта, видеоарта, театра, живописи, дизайна, моды, анимации, кино, музыки до литературы, а куда без нее? При этом, по словам организаторов, Фестиваль «рассказывает» все-таки не совсем о самой культуре, или, точнее, не о ее содержании, наполнении, а о формах ее показа, так изменившихся за одно только последнее десятилетие. Сказать сейчас, что благодаря новым технологиям мы получили новое культурное пространство, — все равно что перейти дорогу по «зебре». Однако, при всей очевидности этого факта, многие не слишком задумываются над тем, что помещалось и кое-что еще. А именно: отношения людей в этом новом пространстве, которые приобрели совсем другой вид — за счет сокращения пути между Художником и Зрителем (читателем, слушателем или потребителем). Какой такой вид? Ну, вероятно, более свободный. И вот чтобы соответствовать этому качеству — на всей территории ЦДХ в течение нескольких дней были «разбросаны» различные проекты, объединенные между собой одной-единственной темой: все они должны находиться в так называемой «зоне свободы», где почти нет цензуры и жесткой зависимости от системы финансирования. Это, конечно, прежде всего сетевое пространство и любые формы существования культуры в медиасетях. Изобразительное искусство во всех своих проявлениях, инсталляции, созданные по принципу детского дневника, в который вклеены вырезки с фотографиями кумиров и их маленькими биографиями, удивительные космические и как будто «поддельные» изображения лайт-граффити, сделанные, однако, без фотошопа, а лишь с помощью направленного движения света. Кроме того, интерактивный виртуальный музей, выставки блогов (при уча-

стии авторов и со звуковым рядом — от атмосферных ландшафтов до выступления «живых» музыкантов и диджеев) и Книгабайт — уже знакомый издателям и читателям по своей работе на ММКВЯ, где он успел привлечь к себе пристальное внимание не только со стороны просто любопытных.

Все экспозиции на фестивале — и те, что были посвящены литературе, тоже — так или иначе представляли свое видение грядущего. Что касается книжного будущего, то это, по гипотезе Книгабайта, что-то вроде гигантского яркого клубка разноцветных ниток — сложные переплетения и неразрывная связь всех форматов книги: и электронных, и бумажных. Например, виртуальная книжная полка (book sampling) — это когда вы можете «полистать» издательскую новинку прямо на сенсорном мониторе книжного терминала КНИГАБАЙТ, как обычную книгу, и незачем отправляться для этого в магазин «Москва» или «Библио-Глобус». А если по прочтении нескольких страниц книга вам понравится, то, опять же, можно обойтись и без поездки на Тверскую или Лубянку — потому что ее вам напечатают прямо тут, на месте, за несколько минут и за вполне приемлемую плату (от 150 до 550 рублей за один экземпляр). Куратор проекта — директор книжного магазина «Фаланстер» Борис Куприянов подготовил для Фестиваля подборку редких книг — давно не переиздававшиеся интеллектуальные бестселлеры, среди которых «Кино» Жюль Делеза, «Демократия в Америке» де Токвиля или «Дневник философа» Гройса. Этот доступный сервис называется принт-он-деманд (print on demand). «Издатели не везут в маленькие и отдаленные города одну-две книжки — им это невыгодно, — сказал во время представления проекта один из его кураторов Андрей Гельмиза. — *Это изобретение направлено, среди прочего, и на решение очевидной проблемы большинства читателей, живущих в провинции, где отыскать и прочитать нужную книгу весьма проблематично, а то и невозможно*».

Виртуальная книжная полка

Принт-он-деманд в действии

Другая экспозиция, под названием РЕФОРМАТ, представляла возможности уже не столько для читателей, сколько для самовыражения авторов. Формы медиакинг очень близки актуальному видеоарту — и этот проект, заставляющий задуматься над тем, что есть книга в принципе, наглядно демонстрировал «текстовую», «книжную» основу всех современных медиа. Да-да, все-таки вначале было слово — потом второе, третье, четвертое... Из них, соединенных в предложения, родилась книга, а уж она, без сомнения, играет самую важную, хотя и незримую, роль в интерактивном медиапространстве. «Книга как текст, книга как форма лежит в основе всех электронных медиа» — рассказал об экспозиции Василий Бычков. Что такое media book space? — это когда вы заходите в комнату с какой-нибудь книжкой в руках, а она, комната, по-своему реагирует на произведение, взятое вами. Проспер Мериме — и на экране возникают рыжие язычки пламени, навевающие мысли о тлеющих углях в камине, а из динамиков раздается струнная музыка. Или, скажем, Виктор Пелевин — хотя нет, тут и говорить-то страшно: ядерные взрывы, шум электропоездов и кажется, даже запах горящей резины. В общем, вы поняли, — речь о том, чтобы создать идеальную атмосферу для чтения каждой конкретной книги, или, на худой конец, что-то вроде бук-трейлера.

Ну и, разумеется, фестиваль не оправдал бы своего названия, если бы ограничился только стационарными экспозициями. Киноконцертный зал ЦДХ работал как лекторий, площадка для выступлений, пространство для перформансов и мастер-классов и, возможно, самое интересное — демонстрации коротких фильмов и анимационных роликов в рамках фестиваля видеопоззии «Пятая нога». Видеопоззию разные люди трактуют по-разному, и не всегда среди них наблюдается единство. Кто-то говорит, что читать на камеру стихи может только сам поэт. Другие возражают: далеко не на всех поэтов приятно смотреть на большом экране, а чья-то дикция и вовсе не позволяет публичных чтений. Но видеопоззия не просто

комбинация стихов и видео, а своеобразный перевод поэтического произведения на видеоязык. И еще один важный момент: речь идет о русской поэзии, поэтому не надо объяснять, что может быть «потеряно» или «найденно» при ее «переводе». «Видеопоззия по-русски — это не траурная процессия / по поводу смерти самого высокого искусства <...> возможно, это рефлексия режиссерская <...> режиссер показывает неземное / поэта одиночество». Так — поэтически — открыл программу «Антологии видеопоззии» ее модератор — поэт Андрей Родионов. Затем были показаны видеоролики победителей. После просмотра состоялось обсуждение, напоминающее, правда, скорее семинар по кинодраматургии поэзии, во время которого его участники — сами поэты, литературные и кинокритики, а также режиссеры и видеохудожники — дискутировали по поводу увиденного и природы жанра в целом. «Мы решаем сейчас, что это вообще — видеопоззия: адаптация поэзии или ее усложнение?». На этот вопрос, заданный критиком Аленой Солнцевой, зритель, слушатель или, по старинке, читатель имеет право ответить утверждением либо первой части, либо второй. Представьте, что на одной чаше весов лежат стихи, которые являются единственным и полномочным выражением авторского мира и не требуют никаких «дополнений». А на другой — те стихи, визуализация которых необходима, потому что без нее они не расцветут, не зазвучат в полный голос (как, скажем, стихотворение Фанайловой). И вот, в зависимости от того, какая чаша весов перевесит, вам понравится тот, а не другой ролик, потому что все произведения — мало похожие друг на друга по форме — были сняты с разных, порой противоположных, позиций. И неудивительно, что мнения собравшихся так разделились. Часть зрителей во главе с поэтом Максимом Амелиным, как раз и озвучившим эту точку зрения, отдала предпочтение тем роликам, которые были сделаны непрофессионалами. А то, что получилось у «настоящих» режиссеров, скажем Серебренникова, не понравилось почти никому из именитых гостей. Разделяющим моментом стало качество, которое в старой литературе определяло направление: классицизм? романтизм? реализм? Другими словами, видеопоззия — это тот мир, который окружает поэта и его стихи (как в случае с Емелиным и Браницким), или это тот мир, который их должен окружать (на примере «Кукушки»).

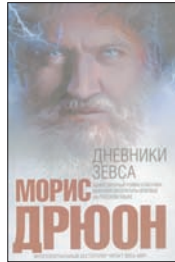
Так или иначе, неоспоримым, пожалуй, остался лишь тот факт, что видеопоззия — жанр очень юный, новый, развивающийся, сам еще пока не знающий траектории своего движения и, возможно, больше напоминающий некую форму социального исследования, призванного показать — что такое поэзия сейчас.

4 Долго ждали читатели нового романа из «фандоринской» серии. Действие книги Бориса Акунина «Весь мир театр» происходит в 1911 году. Эраст Фандорин расследует преступления, совершенные в одном из московских театров. Эрасту Петровичу уже около пятидесяти лет, но он по-прежнему бодр как духом, так и телом — сказывается японская подготовка.

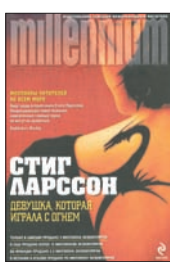
Акунин Б.
Весь мир театр.
М.: Захаров, 2010. — 432 с.

5 «Я, Зевс, царь богов, бог царей, поведаю вам свою историю...» С этими словами великий Громовержец обращается к смертным, живущим на Земле, чтобы донести до них правду о событиях, известных человеческому роду из мифов и легенд. Наконец-то у нас появилась возможность узнать все из первых рук! Из дневников Зевса мы узнаем, что жизнь небожителей была трудна и сурова.

Дрюон М.
Дневники Зевса / Пер. с фр. Л.Ефимова.
М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. — 448 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

6 В своей квартире застрелены журналист и его подруга — люди, изучавшие каналы поставок в Швецию секс-рабынь из Восточной Европы. Среди клиентов малопочтенного бизнеса замечены представители властных структур. Микаэль Блумквист начинает собственное расследование и вдруг узнает, что в убийстве подозревают его давнюю знакомую Лисбет Саландер, самую странную девушку на свете.

Ларссон С.
Девушка, которая играла с огнем / Пер. со шведск. И.Стребловой.
М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. — 720 с.

7 На русском языке впервые выходит кolumнистика одного из крупнейших итальянских поэтов XX века, лауреата Нобелевской премии 1975 года. Это «проза поэта» в лучшем смысле слова. Воспоминания детства, пейзажные и бытовые зарисовки, философские и музыкальные рефлексии — все это позволяет понять, из «какого сора» растут тонкие аллюзии и изысканные образы его лирики.

Монтале Э.
Динарская бабочка / Пер. с ит. Е.Солоновича.
М.: Река времен, 2010. — 248 с. — (Bibliotheca Italica).

рецензии

беллетристика

Кофейный лед и пришелец

Ирина Улякова

Две новеллы французского писателя Филиппа Делерма, встретившиеся под одной обложкой, не имеют ничего общего в сюжете. Однако их объединяет многое другое, в первую очередь — жанр. И там, и там в основе лежит интрига, из которой могло вырасти что угодно, от лихо закрученного детектива до многотомной семейной саги, — а получились волшебные новеллы-ощущения, впрочем, очень похожие на жизнь. Никаких ответов, только череда мгновенных «здесь и сейчас», влохов, взглядов, глотков бытия.

А ведь каковы сюжеты! В «Пузырь Тьеполо» молодая писательница Орнелла Малезе из Венеции случайно покупает на блошином рынке картину своего деда и пытается проникнуть в тщательно обе-

Делерм Ф.
Пузырь Тьеполо / Пер. с фр.
Н. Мавлевич, А. Васильковой.
М.: Флюид, 2009. — 192 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-98358-220-0

регаемую семейную тайну, в чем ей помогает искусствовед, задержавший внимание на той

же картине. Практически очередной «Код Кого-нибудь». И тем более удивительно, когда рушатся читательские ожидания — искусствовед под влиянием книги Орнеллы «Кофейный лед» пытается проникнуться ощущениями жителей Венеции и полюбить этот город. Орнелла растерянна и не готова принять писательскую славу, а читателю все больше хочется прочесть сам «Кофейный лед» и разделить чувства героев. И мы почти читаем ее, и почти видим картину деда Орнеллы, и почти дышим жарким летним воздухом Венеции.

Конечно же эта книга — почти «Кофейный лед», череда мгновенных зарисовок, дарящих читателю всю полноту остановленного мгновения: вкус, цвет, запах, дрожа-

ние воздуха над каналами и покой маленьких площадей. Делерм отделяет это мгновение, заключает его в тончайшую оболочку и преподносит нам «пузырь» времени. В сущности, читая, мы проходим череду таких пузырей, плавно перетекая из одного в другой, погружаясь в блаженное безвременье.

Конечно, любое искусство есть остановленное время, но Филипп Делерм возвел свои отношения со временем в ранг искусства. Герой второй новеллы — житель галактики, временем не обладающей, обитатель пузырька акварельной краски, дитя картины. И если герои «Пузыря Тьеполо» пытаются проникнуть в мир статичных пузырей, то он, безымянный и неопределенный, приходит в наш мир,

чтоб познакомиться со временем и ощутить его движение.

Тут автору есть где развернуться, ведь восприятие подобного существа дает колоссальные возможности заметить и заново пережить нечто совсем простое и повседневное — растянуть до бесконечности миг выбора напитка, со всеми бесконечными возможностями и бесконечными утратами, впервые увидеть калейдоскоп, потрогать вечерний туман города Брюгге и войти в медовое тепло вечернего кафе.

Для обитателя чужой Вселенной наш мир — это противостояние прямого, острого, колючего и мягкого, округлого, близкого к идеальной форме пузыря. И друзей себе он находит идеальных — собирателя стеклянных

шаров, ценителя калейдоскопов месье Делькура и уличного мима, творца чудес, прозванного Флорентийцем.

Конечно же сюжетом снова движет тайна, и снова важной оказывается не она, а возможность узнать, что время приносит и радости, и трагедии. Никто не властен ему противостоять, но можно останавливать его вокруг себя каждую секунду, как это делают наши герои: *«Идешь по лесу, на слух ориентируясь по плеску воды в реке. Сидишь, обхватив колени руками, на гладкий камень у берега, поближе к малиннику. Прохладный лепет воды в нерушимом безмолвии ненастоящей ночи, и тебе дела нет до того, как будет называться завтрашний день и как им можно распорядиться...»*

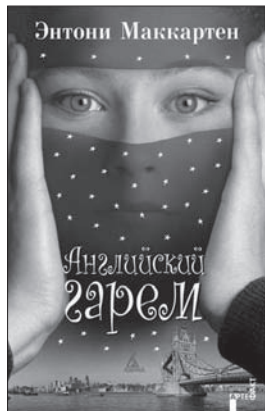
Семьи бывают разные

Вера Бройде

«Я заинтересовался этой темой давным-давно, еще когда смотрел трагикомедии Майка Ли и Кена Лоуча, зачастую построенные на столкновении различных культур, — говорил Энтони Маккартен, сам, между прочим, сценарист, режиссер и драматург, об «Английском гареме» — своем втором романе. — Потом в газете мне попала статья об иранцах, живущих в лондонском пригороде с натуральным гаремом! И однажды мне пришло в голову: а что если сделать одну из таких же анимированных? Первая сцена сразу же нарисовалась у меня перед глазами — девушка приходит домой к родителям, таким всем из себя английским, и объявляет: “Мам, пап, я встретила одного мужчину, он иранец, на несколько лет старше меня. Он попросил меня выйти за него

замуж. Я его люблю. Да, и вот еще. Две жены у него уже есть. Я буду третьей”».

Все знают, что под благовоспитанной внешностью творятся ужасные вещи. Но мало кто догадывается, что под ней же может происходить и что-нибудь хорошее. Нет, люди непременно представляют себе гадкие, отвратительные и грязные картины: блуд и разврат. Этаким дородный перс, с брюшком и перстнями и пухлых пальчиках, живет в самом центре Лондона, в престижном районе, в огромном доме, с тремя женами, четырьмя детьми и ГИ-ГАНТ-СКОЙ спальней. Да чем они там вообще занимаются?! И прямо на глазах у малюток?! Только вот Саман Сахар, или по-английски — Сэм, вообще-то не сатир

Маккартен Э.
Английский гарем: Роман / Пер. с англ. К. Тверьянович.
СПб.: Азбука-классика, 2009. — 480 с.
7000 экз. (п) ISBN 978-5-9985-0460-0

или — как там? — «животное, хищник, чудовище», чьей ненасытной похоти нет пре-

дела. Да и жены его: иранка Фируза, французка Иветта и англичанка Трейси, — тоже скорее пародии на дивные образы из сказок «Тысячи и одной ночи», нецеломудренны и не стыдливы. Но иметь в наше время больше, чем одну жену, — очень необычно, даже для Ирана. Ах да, еще и это — Иран: само слово — «ИРАН»... Попробуйте сначала просто разобраться в ассоциациях, которые оно у вас вызывает. Вероятно, что-то далекое, чужое, опасное: пустыня, бесправные женщины в хиджабах и автоматы. И уж только потом — много позже — персидская ночь, полная звезд, гордый султан в чалме, пророки, поэты, красавицы, волшебные сказки, древняя мудрость, почтение к старшим и сладости.

История, которая рассказана в этой книге, немного напоминает «Месье Жозефа». Чужая жизнь в глазах окружающих всегда будет выглядеть смешно или даже дико. Усыновлять чужих детей и брать под крыло чужих вдов — конечно, просто нелепо. Обычные англичане, как Эрик, так не поступают. Они ведут себя иначе, с умом распоряжаются своим временем, деньгами, чувствами и сердцем: запираются в квартире, желая только одного — чтобы их оставили в покое. Что поделять, они — англичане, и не собираются извиняться за это. И Маккартен выбрал самый подходящий для такой истории слог: чуть насмешливый, ироничный и одновременно очень чуткий, отзывчивый. Потому что сейчас для того,

чтобы трагедию заметили, о ней ни в коем случае нельзя говорить напряженно, громко и возвышенно, с негодованием и благородным пафосом — тогда точно никто не услышит.

Если вы спросите, как она могла, эта двадцатилетняя англичанка, понять и, в конце концов, даже принять в свою жизнь всю эту «специфически персидскую свистопляску» — браков, трагедий, невзгод и покаяний, возвышенного мужества, раздутых эмоций и безграничной честности (а именно из этого и состоит жизнь в семействе Сахаров и, значит, теперь ее собственная жизнь тоже), — что ж... пожалуй, ответить одним предложением будет очень сложно. Энтони Маккартен написал об этом целый роман.

... И вечный поиск

Анна Ульянова

Чешский прозаик Михал Вивег, завоевавший мировую известность своими социальными историями, в порядке эксперимента написал роман для женщин. И без особых затей так его и назвал. По задумке самого Вивега, должен был получиться типичный женский роман, но чуть более интеллигентный. Каких-то особенных Америк автор не открыл — получился этаким «Дневник Бриджит Джонс» на чешской национальной почве.

Естественно, подобные книги появляются в любой стране, и многие из них не менее интеллигентны и ироничны, чем «Роман для женщин». У нас в свое время Катя

Метелица — тоже отнюдь не писательница женских романов — опубликовала «Дневник Луизы Ложкиной», поместив женские переживания в яркий и до боли смешной срез постперестроечной Москвы. Интереснее всего такие книги соотечественникам (точнее, соотечественницам) автора, — они получают бонус в виде узнаваемых реалий и не должны мысленно прикидывать, какой машине в их стране соответствует, допустим, старая «Шкода» главного героя. Хотя, пожалуй, для российских читательниц это не составит особого труда — все-таки страна бывшего соцлагеря, все почти как у нас... Ну, разве что постоянно порхаю-

щая по всему свету мать главной героини в России проводила бы куда больше времени в очередях посольств.

Главное отличие этой книги от других «настоящих» женских романов — не в уровне интеллигентности, и не в национальном колорите, а в том, что автор — мужчина. Это заставит насторожиться любую женщину. Что же он собирается нам сказать? Откроет ли, наконец, что думают о нас мужчины, и по какому же маршруту пролегает путь к их сердцу, или посмеется над глупым бабьем? Пожалуй, и то и другое.

Перед нами дневник главной героини, Лауры, повествующий о ее отношениях с

Вивег М.
Роман для женщин / Пер. с чеш. Н. Шульгиной.
М.: Geleos Publishing House, 2010. — 288 с. 7000 экз. (п) ISBN 978-5-8189-1629-3

мужчинами, матерью, подругами, о сложных и смешных жизненных коллизиях, и главное — о вечном женском поиске — поиске Идеального мужчины. Хитросплетенный сюжет, полный случайных встреч, совпадений и узнаваний, создает при этом ощущение абсолютной реальности. Даже самые неожиданные повороты событий заставляют соглашаться: «Да, именно так оно и бывает».

Но вот этот поиск идеала... Вивег безошибочно вычислил, чего хочет женщина и что лежит в основе любого женского романа. Но, в отличие от авторов-представительниц лучшей половины человечества, он

этот поиск не разделяет и, как следствие, не одобряет — изучает его со стороны и приходит к выводу, что это и есть причина всех женских бед и мужских обид. Не дергайтесь, говорит он, смиритесь, примите реальность, какой бы она ни была. Впрочем, Михал Вивег — отличный рассказчик, и говорит он это с прекрасным юмором и иронией, направленной в том числе и на сильный пол. И не только с иронией — совершенно как в жизни, смех перемежается слезами, а ссоры сменяются примирениями... Ну, а для мужчин, будем надеяться, Вивег напишет отдельный роман.

С чего начинается родина

Пусть вас не пугает то, что Тони Моррисон — первая афроамериканка-лауреат Нобелевской премии по литературе и роман ее повествует о суровых нравах рабовладельческого Нового Света. «Жалость» могут смело читать даже ярые нелюбители западной политкорректности. И не потому, что книга какая-то специально неполиткорректная. Нет, она просто умная.

По жанру «Жалость» — историческая драма. Америка, дивная Америка, страна, какой еще не было, страна мечты, надежды и новых начал... Если вы сейчас представили себе Авраама Линкольна, то зря. Ох, не с войны за независимость, не с отцов-основателей и не с покорения Дикого Запада начинается звездно-

Моррисон Т.
Жалость: Роман / Пер. с англ. В.Бошняка.

М.: Астрель, Corpus, 2010. — 256 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-271-24661-6

полосатая родина, не из этого выросли благословенные Соединенные Штаты. Тони Моррисон копает глубже и с треском выдирает для нас из исторической почвы протоСША конца

XVII века. Разбегаются во все стороны потревоженные подземные жуки, за лопату цепляются всякие неприглядные корни, и лежит на лопате страна странная, дикая и неприглядная. Приехали в нее из-за моря крепкие люди в поисках чистого изобильного края без чумы, казней и властей-зверей, да вот только не сообразили, что не надо тащить на новую землю все старые предрасудки, страхи, пороки и мракобесные идеи. И мучаются теперь в непонятном разобщенном государстве — не старом и не новом, не свободном, но вроде бы вольном для тех, кому повезло. Путешественнику здесь бесполезно запоминать названия — они все время меняются. В одной провинции можно практически все, в другой — почти ничего.

Многие из живущих здесь никогда в жизни не видели негра, а о такой штуке, как американская нация, никто даже не заикается. В этой стране, куда едут за свободой и богатством, уже благополучно укоренилось множество форм рабства и нищеты для человека с любым цветом кожи. И страна изящно ухитряется одновременно не исполнять мечту и не отбирать надежду.

А посреди этого мучительно ищущего форму первобытного бульона стоит деревянный домик — не то чтобы совсем в глуши, но подальше от соседей-баптистов, чтобы не мешали своими религиозными заморочками. Здесь изо всех сил пытается построить-вырастить-выцарапать себе счастливую

жизнь маленькая семья — белые муж с женой, суровая домоправительница-индианка и две девушки-служанки — мулатка и негритянка. Неприкаянный Джекоб Ваарк попал в Америку совершенно случайно, и ему посчастливилось — успешно торгует и открывает для себя неожиданные прелести и перспективы страны равных возможностей. Ребекку продали сюда замуж, что называется, с глаз долой — и ей тоже посчастливилось, мужа и новую страну полюбила. Все племя Лины вымерло от эпидемии, индейской премудрости научиться не успела, выросла у белых на положении непонятно кого, потом ее и вовсе продали, а теперь все-таки — дом. Дурочку Горемыку просто нашли в лесу, а Фло-

ренс Джекобу всучил задолжавший клиент. Маленькая дружная команда сироток, в поту и слезах, но все же с радостью обустроивающих свой приют и не ведающих даже, что они невольной собой символизируют, выживет — в отличие от их семьи, которую эта первобытная страна скоро проглотит, не подавившись... Надо быть очень хорошим писателем, чтобы рассказывать о таком, не впадая в зубодробительную поучительность, и Тони Моррисон это может. «Жалость» — сложно и красиво выстроенная вдумчивая психологическая проза о непростых отношениях человека, места и времени. И о том, что, какими бы неустроенными ни были места, дикими и дурацкими времена и слабые люди, отношения эти — высокие.

Балаганчик Фэнни и Элис

В волшебной коробочке у тетушки Фэнни — шутки-прибаутки, разве-селье старушки, озорные детишки, задушевные чудачки-пьяницы, чудесным образом исцеляющиеся убогие да недужные, птички, зверюшки, много вкусной еды и трогательных спецэффектов в духе «трахтибидох-тибидох», а из вмонтированного магнитофончика вовсю гремят рождественские песни, церковные гимны и просто милые старые шлягеры. У тетушки Элис реквизит тоже классический, но посложнее — из ее саквояжа так и рвутся будоражащие водяные, травяные и земляные запахи и веет загадочными ветрами — из тех, что не просто дуют, а предвещают долгую дорогу и нечаянную встречу. Внутри цветы, деревья, камни — все со своим значением — предчувствия, легенды, злодеи, выдающие себя за принцев, и принцы, считающие себя свинопасами, принцессы, заколдованные быть неудачниками, и много-много любовных чар с самыми удивительными последствиями. И Фэнни Флэгг, и Элис Хоффман доки в своем чертовски нужном в наши депрессивные времена ремесле сказочника. Обе владеют великим искусством создать мир, где все кончается хорошо, потом заставить нас поверить, что вот в это-то раз все может кончиться ой как плохо, а потом все равно всех спасти. Ну, или почти всех, чтобы было как

в жизни... Потому и хочется снова и снова платить грошик и, затаив дыхание, заглядывать в этот залатанный шатер.

Если бы оптимизм был водой, Фэнни Флэгг была бы Ниагарским водопадом. И тем, кто морально не готов к встрече с такой природной достопримечательностью, лучше даже не открывать ее книг, во избежание нервного потрясения. Особенно «Рождество и красный кардинал». Здесь Флэгг взяла за основу один из самых сусальных жанров, какие только есть в душеполезной литературе, — рождественскую сказку. Ту самую, где пачками раскаиваются алкоголики и душегубы, обретают счастье сиротки и расцветают на морозе божьи цветики. Только классического позитивного канона тетушке Фэнни показалось мало, и она его улучшила. И получилась рождественская сказка из мира, где новый год круглый год. Жизнь у Освальда Кэмпбелла и так не сложилась — вырос в сиротском приюте, с женой разошелся, денег не заработал, смысла жизни не нашел — а тут еще и врач заявил, что если он со своей эмфиземой немедленно не уедет из холодного Чикаго, то до Рождества не доживет. А если уедет, то, может, протянет еще год или два. Хорошо еще, что у доктора отыскалась ветхая брошюрка с рекламой недорогого и очень полезного для здоровья местечка — городок Затерянный Ручей, штат Ала-

Флэгг Ф.
Рождество и красный кардинал: Роман / Пер. с англ. С.Соколова.

М.: Фантом Пресс, 2010. — 256 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-86471-485-0

бама. Освальд решил, что терять ему нечего, и поехал. А в Затерянном Ручье пахло соснами, как на елочном базаре, летали пеликаны, цапли, горлицы и скопы, в реке резвилась рыба, местное дамское эзотерическое общество «Крупные горшки» изо всех сил творило добро, все дети получали от Санты то, что хотели, а в лавке у Роя Гриммита жил спасенный и вылеченный им красный кардинал Джек и на вопрос «Где ты живешь?» кричал «*В радости! В радости! В радости!*» Освальд дожил там до Рождества, а потом еще до Рождества, а потом еще... Он научился рисовать алабамскую чудо-природу, перестал кашлять и вместе со всеми взял на себя заботу о шестилетней Пэтси, приемной дочке приезжих люмпенов-разнорабочих — в общем, это история об освоении заблудшей душой

Хоффман Э.
Признания на стеклянной крыше: Роман / Пер. с англ. М.Кан.

М.: Флюид, 2010. — 288с. — (Английская линия). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-98358-239-2

земли обетованной. Да, здесь могут умирать птички, тяжело болеть хорошие маленькие девочки и насмерть ссориться взрослые, но это лишь проверка на прочность и изобретательность добра. И у Фэнни Флэгг ее все выдерживают.

Элис Хоффман испытывает своих героев по-другому. Ее романы — это всегда увлекательная и небезопасная викторина «Угадай, в какой ты сказке». Увы, далеко не все понимают, на какую тропинку свернуть, в какую избушку постучаться, какое яблоко сорвать и что из этого всего может получиться. Вот и «Признания на стеклянной крыше» начинаются с недоразумения. Однажды вечером на крыльцо своего дома вышла семнадцатилетняя девушка с роскошными рыжими волосами и чудес-

ным именем Арлин Сингер. Только что закончилась поминки по ее отцу, и как ей жить дальше, Арлин не представляла. И поклялась выйти замуж за первого, кто пройдет сейчас по улице. Не будучи знатоком фольклора, Арлин не знала, что в историях с таким зачином к девушке обычно является не принц на белом коне, а чудовище. И доверчиво пригласила в свой дом случайно заехавшего в ее городок студента-архитектора Джона Муди, а потом стала его женой, родила ему сына и отправилась жить в его фамильный замок — знаменитое концептуальное творение отца Джона, тоже архитектора, прозванное в народе Стеклянным Башмаком. Это была совсем не та сказка, какую задумала Арлин. Отцом Джон оказался столь же отвратительным, сколь и мужем, а жить в башмаке хорошо, только если ты старушка из «Песенок Матушки Гусыни», да и у старушки той башмак был обычный. А из стекла семейное счастье не строят — оно притягивает птиц и камни. Птицы разбиваются о него, камни разбивают его... Единственной надеждой Арлин оставалась услышанная когда-то от отца легенда о племени летающих людей из Коннектикута — перед лицом опасности у них вырастали крылья. «*Так-то они не отличаются от нормальных людей, но когда, скажем, тонет корабль или бушует пожар — тут обнаружи-*

вают свое отличие. Только тогда прибегают к средству, дарующему спасенье». Отец утверждал, что он как раз из таких, а значит, и Арлин, в самом крайнем случае, сможет взлететь. Успеть бы только распознать этот крайний случай.

Арлин не улетела — умерла от рака, который не пожар и не наводнение. Жизнь в семье Муди, конечно, продолжилась. А с ней и печальное, неправильное волшебство, растянувшееся на три поколения. Много всего было — летающие люди, мальчик, твердо решивший навсегда остаться шестилетним, жемчужное ожерелье, меняющее цвет согласно настроению хозяйки, призрак, бьющий посуду и рассыпающий золу. Понять, что в этой мистической семейной саге поучительная метафора, которую герои, на свою беду, приняли за реальность, что авторская обманка, а что настоящее волшебство, нелегко. Вместе с героями запутываешься окончательно. И тем удивительней, когда все выливается-таки пусть не в хеппи-энд, но в мирное завершение. В успокоение души, в примирение врагов. И главное — в понимание того, что хотя ты и перепутал все тропинки и замки, какие только можно, принял принца за чудовище, а живого человека за видение, — все это было не зря. Потому что в сказке ничего не бывает зря. Просто надо дочитать до конца, чтобы это увидеть.

рецензии

умное

Rauci sciunt

Елена Цыпилева

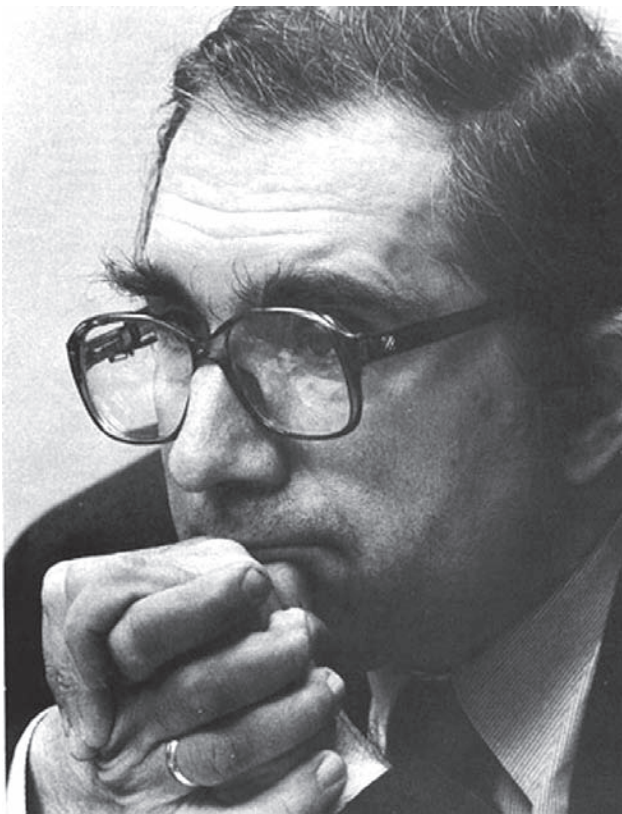
В одной из своих статей о книгах, *«потребовавших от него хотя бы минимального интеллектуального напряжения»*, Борис Кагарлицкий сетует на существующее в настоящее время перепроизводство книжной продукции. Естественным результатом такого процесса оказывается незнание читателем и сотой доли того, что издается. Это, по мнению публициста, обесмысливает, в свою очередь, и сам процесс книгоиздания. Разумеется, книг и в прошлом, и в позапрошлом столетиях выходило во много раз больше, чем может освоить один читатель. Но в чем Б.Кагарлицкий, наверное, прав, так это в нехватности даже той литературы, которая относится к узкой специальности сегодняшнего читателя-гуманитария. А чаще всего не попадают в поле зрения малотиражные издания — вроде тех книг по классической филологии, о которых я хочу рассказать.

Аверинцевские чтения: К 70-летию со дня рождения академика С.С.Аверинцева: Материалы / Под ред. О.В.Раевской.

М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 112 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-211-05613-8

Еще несколько лет тому назад, когда С.С.Аверинцев был жив, каждое его выступление, каждая его новая статья или книга привлекали повышенное внимание. Он создавал вокруг себя движение, был неким магнитом, многих притягивавшим, немногих отталкивавшим. Со смертью ученого все стало несколько иначе. Нельзя сказать, что о нем совершенно забыли, но все же молодым исследователям, только сейчас начинающим свой путь в гуманитарных науках, не всегда оказывается легко понять и разделить то восхищение и уважение, которые испытывают их старшие коллеги по отношению к С.С.Аверинцеву. Сборник докладов участников Аверинцевских чтений, научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения С.С.Аверинцева, мог бы послужить изменению ситуации. Я приступала к его чтению именно с такими настроением и ожиданиями.

Первая статья — самого С.С.Аверинцева «Древний урок человечности» — лишь подогрела мой интерес, развитию которого способствовало и отсутствие информации о тексте (почему именно он был выбран, насколько он типичен и характерен для С.С.Аверинцева). По мере изучения «Аверинцевских чтений» вопросов возникало у меня все больше и больше, а вот ответов на них я не находила. Сборник состоит из научных статей, так или

Сергей Аверинцев

иначе связанных с кругом интересов С.С.Аверинцева (Казанский Н.Н. «О единстве греческой культуры», Куделин А.Б. «К интерпретации элементов “чуждого” в “Жизнеописании Пророка” Ибн Исхака — Ибн Хишам», Прохоров Г.М. «Исихастская литература в Древней Руси: смещение интереса на север», Бибииков М.В. «Время и вечность в греческой и славянской традициях», Иванчик А.И. «Аргонавтика, Океан и Черное море»), и статей, авторы которых предлагают свое понимание личности и творчества ученого (Карпов С.П. «Заметки о творчестве Аверинцева С.С.», Бонгард-Левин Г.М. «Скворешниц вольных граждан», Доброхотов А.Л. «Аверинцев как философ культуры», Седакова О.А. «Сергей Сергеевич Аверинцев: христианский гуманизм»). В статьях о Аверинцеве С.С. за отправную точку для рассуждений принимаются его исключительность и гениальность, очевидные, и потому не требующие доказательств или хотя бы описаний их проявлений. Вот, например, начала некоторых из статей: *«...он (Аверинцев С.С.), один из последних энциклопедистов нашего времени, был подлинно междисциплинарен, соединяя качества философа, филолога, историка, теолога, искусствоведа, поэта и переводчика со многих древних и новых языков»; «Великое поколение “шестидесятников”, которое до сих пор удивляет неиссякаемым творческим ресурсом и духовной пассионарностью, — поколение, к которому принадлежал Сергей Сергеевич Аверинцев, — уходит сейчас с какой-то беспощадной скоростью»; «... дело не только в том, что у Аверинце-*

ва слишком много профессий; дело в том, что такой “профессии”, которая описала бы дело его жизни, просто нет в номенклатуре гуманитарных дисциплин. Все это чувствуют и пытаются так или иначе определить уникальное место Аверинцева в современной культуре, русской и мировой». Вот в этом «все это чувствуют» заключается главная загвоздка для людей, не заставших С.С.Аверинцева: «это чувствуют», судя по книге, те, кто хорошо знал ее героя. Но агниографический жанр едва ли лучший способ просвещения тех, кто этого знания в силу естественных причин разделить не может. Биография и библиография ученого представляются авторам сборника общеизвестными, важным оказывается не рассказ о том, как, благодаря или вопреки чему он сформировался, не анализ отдельных его произведений, а нахождение некоего общего «ключа к его идейному наследию, к тому, что составляло сущностные характеристики многих его трудов». По мнению С.П.Карпова, главный смысл и содержание всего творчества С.С.Аверинцева заключается в реабилитации и истолковании, черзетексты и символы, всей совокупности христианского наследия, Г.М.Бонгард-Левин предлагает попробовать понять ученого через его же книгу о Вяч.Иванове, для А.Л.Доброхотова С.С.Аверинцев — философ культуры, для О.А.Седаковой — христианский гуманист. Оригинальность и справедливость предложенных интерпретаций трудно оценить, не имея того же априорного представления о феномене Аверинцева, какое есть

у авторов сборника. Для понимания этого феномена важно учитывать несколько разноразных факторов — от биографии самого ученого, о которой сам он писал и рассказывал довольно подробно в своих интервью, до атмосферы 60-х—80-х годов прошлого столетия, в которой смог возникнуть своеобразный культ героя книги, который, судя по собственным его словам в многочисленных интервью, позиционировал себя как филолога и представителя интеллигентского сословия. Но, может быть, и сам С.С.Аверинцев был бы рад, что агниографическое начало в сборнике его памяти перевешивает аналитику? Сборник 2008 года написан с идеей возможности сохранения культа 1970–1980-х годов, но все-таки без попытки его анализа на фоне времени (как когда-то С.С.Аверинцев написал о Плутархе на фоне жанра), что превращает книгу, несмотря на наличие в ней интересных статей (Г.М.Бонгард-Левина, А.Л.Доброхотова, О.А.Седаковой, М.В.Бибиикова), в несобранную мозаику, в пазл без подсказки.

Филологи-классики и славистика / Сост. и авт. биогр. заметок М.Н.Славятинская.

М.: Лабиринт, 2009. — 224 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-87604-019-0

«Цель данного сборника статей — напомнить об исследованиях филологов-классиков старшего поколения, обращенных к изучению славянского мира (от праиндоевропейских истоков до Нового времени) и говорящих о нетленности античной культуры». Несмотря на лирическое преувеличение аннотации (увы, о нетленности античной культуры говорить не приходится) появление такого сборника в эпоху нарастающего конфликта между специализацией и дифференциацией, с одной стороны, и междисциплинарности, — с другой, откровенно и своевременно. Составительница сборника прекрасно показала, сколь плодотворным был (бывал) выход многих филологов-классиков за рамки классической филологии в узком смысле этого слова. Статьи и отдельные главы из книг подобраны так, чтобы показать спектр влияний античной словесности и культуры в целом на формирование старославянского и русского языков (Шатров Г.М. «Об использовании материалов старославянского языка на занятиях по латинскому языку», Казанский Б.В. «О происхождении слов»), древнерусской, а затем и русской литературы и культуры (Зайцев А.И. «Стих русской былины и праиндоевропейская поэзия», Радциг С.И. «Античное влияние в древ-

нерусской культуре», Нахов И.М. «Ломоносов и античность», Егунов А.Н. «Гомер в русских переводах XVIII — XIX веков»). Каждую статью предваряет небольшая биографическая заметка, рассказывающая о ее авторе, и его краткая библиография. Биографии ученых построены по одному плану — где родился, где и у кого учился, как сложилась его профессиональная судьба. Составитель сборника избегает оценочных эпитетов и характеристик, что, с одной стороны, делает всех авторов книги похожими друг на друга, независимо от того, прожили ли они всю жизнь в Москве или провели долгие годы в заключении. В сборник вошли работы умерших авторов, что, однако, вовсе не делает их представителями абстрактного «старшего поколения». Здесь и ученые, родившиеся в 80–90-х гг. XIX в. (С.И.Радциг, Б.В.Казанский, А.Н.Егунов), и родившиеся в 20-х гг. XX в. (И.М.Нахов, В.Н.Ярхо, А.И.Зайцев, Г.М.Шатров). Обращение классиков к темам русской филологии нуждается в исторической контекстуализации. Кто-то писал свою работу по случаю, в связи с официально отмечаемым юбилеем, например, М.В.Ломоносова, кто-то брался за тему из других соображений. В сборнике статьи представлены, скорее, как музейные экспонаты. В предисловии состав сборника *«объясняется стремлением представить традиционные центры классической филологии в России»*. Очевидно, что первыми такими центрами называются Московский и Санкт-Петербургский (Ленинградский) государственные университеты, но почему в их число входят также Томский государственный университет и Московский государственный лингвистический университет, но не входят исторические центры отечественной науки — Киева, Харькова, Тбилиси? Нынешний политико-государственный статус этих городов достаточно было бы отметить в примечании без опасений нарушения политической корректности. Поскольку сборник, составленный М.Н.Славятинской, первый в своем роде, и за ним, надеюсь, последуют новые издания, на эти читательские вопросы и запросы будет дан и предметный ответ.

Discipuli Magistro: К 80-летию Н.А.Федорова.

М.: Издательство РГГУ, 2008. — 587 с. — (Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности; Вып. 15). 300 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1050-7

Латинскому языку у Н.А.Федорова училось несколько поколений

филологов-классиков, да и просто филологов. Нет ничего удивительного в том, что сборник в его честь получился таким объемным. Здесь собраны работы ученых разных поколений, принадлежащих к различным научным школам и занимающихся очень далекими друг от друга проблемами. Но две вещи действительно объединяют их всех — чувство уважения к юбиляру и признание ученичества. Н.А.Федоров является главным героем книги, что подчеркивается и рамочной структурой сборника. Открывается он обращением к *«Николаю Алексеевичу Федорову — мифу и человеку»*, далее идут статьи, тематически объединенные в разделы «De litteris Latinis», «De litteris Graecis», «De posteris», «Versiones», а в конце помещено интервью с Н.А.Федоровым — «Научить читать, чтобы понимать...».

Самыми интересными для меня были материалы по истории классической филологии в России — темы, все чаще привлекающей исследователей, на них и сосредоточусь.

Laudatio Н.П.Гринцера, «Николаю Алексеевичу Федорову — мифу и человеку», по самой своей жанровой специфике не предполагает аналитического разбора жизни и творчества восхваляемого. Задача статьи, скорее, в том, чтобы описать процесс превращения живого человека, известного педагога и переводчика, в культовую фигуру, легенду. Первый этап — почти мифологическое имя: в студенческом фольклоре Н.А.Федоров — «Lupus». Версий происхождения этого имени столько, сколько рассказчиков. По мнению Н.П.Гринцера, *«это, безусловно, тот самый Lupus in fabulis, т.е. персонаж, самой сутью своей предназначенный для увековечивания в мифологических преданиях»*. Следующий этап — переосмысление некоторых особенностей характера и поведения человека. В случае с Н.А.Федоровым такими оказываются расческа, *«столь же неизменный атрибут Н.А., как перуны Зевса или лира Аполлона»* и *«избирательное отношение к женскому полу и собственная избранность»*. Третий этап — появление духовно-вещественного доказательства, возвышающего героя над другими. «Прижизненный памятник», поставленный Н.А.Федоровым само себе, — это, как пишет Н.П.Гринцер, ученик латинского языка, написанный в соавторстве с Валентиной Иосифовной Мирошниковой (1924–1991), и *«тома великоленных переводов»*. Четвертый, заключительный этап — «при-

М.Н.Славятинская и другие преподаватели классической филологии Московского университета.

знание» героя другими мифологическими персонажами. Рассказывая о необыкновенной увлеченности Н.А.Федорова своим предметом, о неугасающем интересе к латинскому языку и всему, что на этом языке создано, Н.П.Гринцер приводит небольшой отрывок из интервью с М.Л.Гаспаровым. М.Л.Гаспаров, едва ли не главная культовая фигура постсоветской филологии, называет Н.А.Федорова «молодым, энергичным и нескучным человеком, благодаря которому возрос среди филологов-классиков интерес к медиевистике».

Всем, кто когда-либо изучал латинский язык под руководством Н.А.Федорова, известна его любовь к розыгрышам и переводам с русского языка. Например, во время занятий с нашим курсом, он, сам устав от страданий первокурсников над стандартными фразами из учебника, мог вдруг направить на кого-нибудь свою расческу (ту самую, которую в своей статье Н.П.Гринцер уподобляет перунам Зевса и лире Аполлона) и, властно сказав «Переводите!», начать читать что-нибудь на латинском. Ужас от того, что нужно переводить что-то со слуха, сменялся радостью узнавания — да это же «Очи черные»! Тогда мы воспринимали подобные задания как некое чудо, стремление нашего преподавателя приблизить к нам изучаемый язык. Позже мы узнавали, что перевод на латынь русских песен и стихотворений — давняя традиция изучения и преподавания латинского языка в Московском университете. Ф.Е.Коршу, пожалуй, самому известному представителю этой традиции, посвящена статья В.В.Зельченко «Об одном латинском переводе Ф.Е.Корша». За скромным названием скрывается история перевода на латинский язык стихотворения А.С.Пушкина «Мечтателю». Впервые этот перевод

был напечатан в приложении к журналу «Филологическое обозрение» за 1895 г., а в 2002 г. перепечатан в журнале «Абарис» в составе подборки «Латинский Пушкин». Я.М.Боровский в обзорной статье «О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык» высоко оценил эту работу Ф.Е.Корша, написав, что «в заключительных строках перевод достигает почти пушкинской выразительности и силы». В.В.Зельченко, и сам — поэт и переводчик на латинский язык с русского, стремится определить, какой оригинальный текст Ф.Е.Корш выбрал в качестве образца. Проведя анализ языка латинского перевода пушкинского «Мечтателю», исследователь приходит к выводу, что конкретизировать стилистический ориентир рассматриваемого перевода, сузив его до творчества одного поэта, нельзя. И не только потому, что все три эллика I в. до н.э. (Тибулл, Проперций, Овидий) разрабатывали традиционные для данного жанра мотивы, а из-за того, что латынь была для Ф.Е.Корша живым языком, на котором тот вел, например, дневник. Получается, поиск стилистического образца был напрасен? Нет, ведь он позволил В.В.Зельченко найти латинские корни пушкинского стихотворения. Тематически элегия «Мечтателю» оказывается близка к минициклу элегий Проперция I, 5, 7, 9. Впрочем, и сам В.В.Зельченко признает, что говорить о прямом влиянии Проперция — без посредничества Парни — на А.С.Пушкина, преждевременно.

В сборник «Discipuli Magistro» входят статьи, отражающие научные интересы не самого юбиляра, как это было в рассматривавшихся ранее «Аверинцевских чтениях», а его учеников. Но это делает и портрет Н.А.Федорова-педагога более ярким и выразительным, показы-

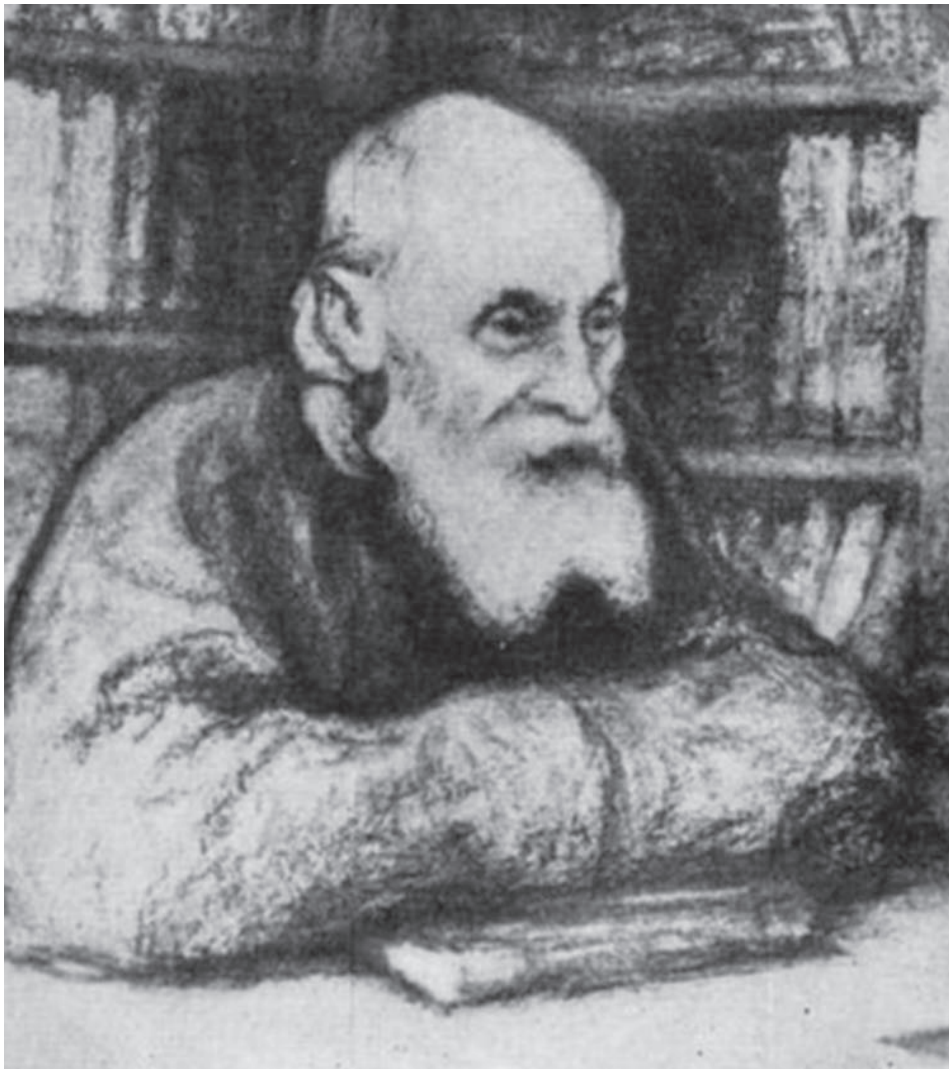
вая, каких разных и интересных исследователей он воспитал. А.И.Любжин в последние годы занимается изучением рецепции античности в русской литературе и культуре XVII — XIX вв., уделяя особое внимание истории преподавания латинского и древнегреческого языков в дореволюционной России. Его дар юбиляру — публикация пятнадцати писем А.Н.Шварца и одного письма Ф.Е.Корша С.И.Соболевскому, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Все они публикуются в орфографии подлинника с подробным комментарием. Письма А.Н.Шварца относятся «к периоду директорства А.Н. в 5-й Московской гимназии и к эпохе его

руководства Министерством народного просвещения», но адресованы ученику и другу. В них, поэтому, читатель видит не только чиновника, болезненно реагирующего на неприятные проводимые им меры, но живого человека, друга, радующегося успехам друга, учителя, готового помочь ученику советом, ученого, с легкостью пишущего не только по-русски, но и по-латински, древнегречески, немецки. Комментарий А.И.Любжина по языку до такой степени приближен к комментируемому тексту, что не всегда понятно, где кончается текст Шварца или Соболевского и начинается комментарий к ним. Когда А.И.Любжин пишет, что Л.А.Георгиевский был «товарищем министра

народного просвещения», он, возможно, еще может надеяться, что сегодняшний, например, студент знает, что «товарищем министра» в XIX в. называли просто заместителя министра. Но когда комментатор на той же странице пишет «по инициативе тогдашнего министра И.И.Толстого и его товарища О.П.Герасимова», это выглядит уже комично. Для того, чтобы масштаб трагикомического вживания в эпоху вместо комментария был понятнее, процитирую один характерный пассаж: «Вопрос о посторонних слушательницах — противозаконный допуск лиц женского пола, в том числе с недостаточным образованием, к прослушиванию университетских лекций, практиковавшийся с момента введения университетской автономии при попустительстве министров И.И.Толстого и П.М.Кауфмана, бывших сторонниками совместного обучения, А.Н.Шварц счел возможным оставить записавшихся в течение одного семестра, но дальнейшую запись прекратил. Впоследствии (31 октября) этот вопрос был решен Высочайшим повелением в обход А.Н.Шварца в пользу вольнослушательниц, что едва не вызвало отставки А.Н.Шварца» (с.467). Автор явно злоупотребляет жанром комментария для пропаганды предполагаемых патриархальных ценностей. Между тем и письма А.Н.Шварца, и пометки на них С.И.Соболевского — великолепный материал для сравнения с недавно опубликованными воспомина-

ниями о С.И.Соболевском филологов-классиков, учившихся у него и работавших с ним в советское время, — К.П.Полонской, М.Л.Гаспарова, В.Н.Ярхо, С.К.Апта. Лишь собрав и проанализировав все это вместе, и возможно реконструировать образ ученого, а через него — атмосферу университетской жизни ушедшего века. К сожалению, в рецензируемом сборнике нет указателей, но, возможно, он станет со временем доступен и в Сети.

Последний материал сборника — интервью «Научить читать, чтобы понимать...». Собеседники Н.А.Федорова — Борис Игнатов и Екатерина Перевезенцева постарались сохранить в расшифровке записи манеру устной речи Н.А.Федорова. Материал представлен в жанре «устной истории» и выгодно отличается от обычных пригласенных авторизованных интервью. Собеседников, работавших в рамках проекта Н.В.Брагинской, интересовало прежде всего, как и почему Н.А.Федоров стал филологом-классиком, кто были его учителя, как складывались отношения между преподавателями и студентами, как он оценивает свою профессиональную биографию. В ходе необходимого разговора удалось вплотную подойти к таким слабо освещенным в истории советского образования и науки темам, как идеологическое давление и манипуляция сознанием, репрессии, обрушившиеся на совсем молодых людей — сверстников нынешних студентов, кампании по проработке коллег, низкая научная квалификация высокопоставленных чиновников от науки, — студентам Н.А.Федоров отвечает на вопросы подробно, иногда самобичующе, его оценки людей и обстоятельств всегда интересны. Остро субъективный взгляд только прибавляет ценности этому материалу как историческому источнику. Книгу закрываешь буквально на самом интересном месте. Но даже и самый интересный материал нуждается хотя бы в минимальном комментарии! Например, там, где в устной речи объединяются довоенный ИФЛИ и современный Литинститут, в готовом тексте следовало бы дать соответствующий комментарий. В библиографическом комментарии нуждаются и рассказы о словарях и изданиях, в которых принимали участие упомянутые Н.А.Федоровым однокашники, учителя или студенты. Все это не претензии к составителям сборника в честь одного из ветеранов классической филологии, но попытка сформулировать читательские ожидания и пожелания на будущее.

«Н. Ф. Федоров». 1919. Пастель. Л. О. Пастернак.

рецензии

оружие

Легенды на стали

Становление японцев как нации происходило в постоянном вооруженном противостоянии кланов. В столетиях ожесточенной взаимной резни оружие не только постоянно совершенствовалось, но и порой становилось предметом культа, семейной реликвией и ...неповторимым произведением искусства. Не случайно предисловие к этому красочному изданию написано Ю.Г. Ефимовым — заведующим Арсеналом Государственного Эрмитажа. Автор — один из лучших отечественных экспертов и коллекционеров японского оружия, на страницах этого издания рассказывает о кодзука и когаи — двух вспомогательных инструментах, входящих в комплект оправы японского холодного оружия. Вспомогательные инструменты (ножички, шильца, а также

столовые приборы — вилка и нож) входят в комплект холодного охотничьего оружия многих народов мира, но, как правило, не являются предметом отдельного изучения и коллекционирования. Поэтому вдвойне интересно узнать об их японских аналогах, которые уже нельзя назвать сугубо прикладными элементами меча.

Помимо японского оружия в книгу включены фото и описания: национального оружия непальских гурков — кукри (снабженное двумя маленькими ножичками, повторяющими по форме большой); персидского кинжала карда (с секретом — внутри боевого ножа был спрятан брат-близнец меньшего размера); кинжала шотландских горцев — дирка (укомплектованного ножом и вилкой, и при

этом своей отделкой повторяющего убранство основного кинжала); богато украшенных германских охотничьих гарнитур Weidbesteck (в состав которых входили большой тесак и несколько дополнительных инструментов — ножей, вилок, шильев и полок, — помогавших охотнику в разделке убитой дичи); охотничьих кортиков тульской работы XVIII в. (в гнездах на верхней части ножен помещались охотничьи аксессуары — ложка, вилка, ножичек).

Японское холодное оружие не подразделялось на боевое и охотничье. Дополнительные инструменты у прославленной катаны встречались редко, но зато у коротких мечей вакидзаси и танто — очень часто.

Слово *кодзука* означает «маленькая рукоять», поэтому правильнее называть этим

Скравилецкий Е.
Кодзука: Маленький спутник японского меча.
СПб.: Атлант, 2009.
— 160 с.: ил. 1500 экз. (п)
ISBN 978-5-98655-034-3

термином рукоять ножа, а весь нож называется ко-гатана.

На многих старинных кодзука был изображен ястреб — пернатые хищники в глазах мужественных японцев были

олицетворением благородства и отваги, а в одном из рассказов утверждалось, что после смерти хозяина его птицы покончили жизнь самоубийством, по-самурайски последовав за хозяином.

Встречались и кодзуки с изображением бегущих кабанов — в стране самураев, где боевой дух ценился превыше всего, кабан был живым символом отваги. До наших дней дошла кодзука с изображением рыбы Тай, пойманной на крючок. С этим сюжетом связана одна из японских легенд: поспорили два брата, один из которых был умелым охотником, а другой — искусным рыбаком. Однажды они решили поменяться своими умениями. Но старший брат, который всегда был удачлив на рыбалке, вернулся домой с охоты без добычи. Он отдал младше-

му лук и стрелы и попросил вернуть рыболовный крючок. Но тот, ловя рыбу, потерял его. Поскольку брат отказался взять новый крючок, опечаленный горе-рыбак спустился к морю, где ему взялся помочь Старец Соленных Морских вод, призвавший рыб, чтобы найти пропавший крючок, который обнаружился у рыбы Тай. Помимо крючка рыбак был одарен чудо-каменными Прилива и Отлива.

Существуют кодзуки с изображением карпа — одной из самых почитаемых в Японии рыб, символом мужества и эмблемой «праздника мальчиков». Во второй половине XVIII в. появились «карповые стяги» — коино-бори. Считалось, что чем выше реет «карп», тем более высокого положения достигнет в будущем мальчик.

Предпочитая лучшее...

Написанная выдающимся российским оружейником, одним из крупнейших специалистов по охотничьему оружию, книга является наиболее полным на сегодняшний день отечественным руководством по выбору, пристрелке и эксплуатации охотничьего оружия и ведению охоты в различных географических и климатических условиях.

Автор рассказывает об истории возникновения и совершенствования огнестрельного оружия. В конце XV века, с появлением изогнутого приклада, фитильного и колесцового замков, прямых нарезков, огнестрельное оружие постепенно вытесняло в Европе лук и арбалет.

Блюм М.М.
Выбор и применение охотничьего оружия: Энциклопедия.
М.: Рыбацкая Академия, 2010.
— 256 с.: ил. 3500 экз. (п)
ISBN 978-5-94382-107-3

В первой половине XVI века в Москве была основана Оружейная палата — для изготовления высококачественного оружия. В России нарезные ружья изготавливала мастерская Оружейной палаты. При Петре I тульские мастера начали выпуск штуцеров. Перед заряданием шомпольного (дульнозарядного) нарезного оружия пулю заворачивали в промасленную тряпку или кусок тонкой кожи.

С 1885 г. на казенных заводах началось серийное производство охотничьих ружей, причем из нарезного оружия наибольшее распространение получили штуцера, магазинные и однозарядные карабины и винтовки. С появлением

оптических прицелов (1850 г.) сильно возросла и роль метких стрелков. В конце XIX в. был разработан распространенный и сейчас охотничий бездымный порох «Сокол».

После окончания Великой Отечественной войны 18 февраля 1946 г. по инициативе Министерства вооружения было создано специальное совещание по охотничьему и спортивному оружию, на котором был сделан доклад о производстве охотничьего и спортивного оружия в Германии. На совещании были продемонстрированы лучшие западные образцы охотничьего оружия того времени, и было принято решение о начале изготовления наи-

более приемлемых для нашего производства зарубежных моделей. При этом при разработке ассортимента отечественного охотничьего оружия в первую очередь учитывалось разнообразие условий охоты и животного мира, а также материальное положение покупателей и наличие промысловых охотников.

Ружья для полупромысловой, спортивной и любительской охоты были предложены в следующих вариантах: одноствольное гладкоствольное курковое ружье 12, 16 и 20 калибров, двуствольное курковое ружье от 12 до 28 калибров; двуствольное бескурковое ружье от 12 до 20 калибра и ружья с вертикальным рас-

положением стволов от 16 до 20 калибра, причем в разных комбинациях.

Для промысловой охоты было решено выпускать на базе трехлинейной винтовки гладкостволку ТОЗ-32 и нарезной магазинный карабин калибра 8,2 мм.

Помимо исторических экскурсов, рассказывающих о развитии отечественного охотничьего оружия с 1945-го по 2000 г., издание содержит практические советы по выбору оружия и патронов для различных охот (в том числе горных). Отдельные главы посвящены прославленным оружейным заводам, охотничьим патронам и ружейным клеймам.

Сохраняя вековые традиции

Германия — страна заядлых охотников, и поэтому не случайно немецкое оружие по праву считается одним из лучших в мире. Не случайно именно Германия является единственной страной в Европе, регулярно проводящей оружейный форум — весеннюю выставку охотничьего оружия и снаряжения — «IWA и классика отдыха». Среди миллионов охотников на всем земном шаре (в том числе и отечественных) нет тех, кто хотя бы раз не пользовался или не слышал о традиционных горизонталках и вертикалках, украшенных названиями и подписями знаменитых немецких компаний и масте-

ров. Эти ружья, и доступные и дорогие, отличаются, как правило, резким равномерным и кучным боем, строгим и узнаваемым дизайном, гравировкой в национальном стиле «с углубленным фоном, сложным сюжетом, часто с большим количеством фигурок, почти фотографической точности выгравированных птиц и зверей».

В издании рассказывается о всех охотничьих и спортивных моделях 39 компаний (каждой из них посвящена отдельная глава), действующих в XIX—XXI веках и по сей день определяющих лицо немецкой оружейной промышленности. Их изделия

отличаются надежностью и удобством пользования в любых условиях — будь то на международных соревнованиях или на охоте. Ведь порой у охотника есть только один шанс, и необходимо, чтобы выстрел был успешен.

Среди этих компаний и легендарная, созданная еще в 1751 г. «J.P. Sauer & Sohn», — великопленные ружья серийного производства, рассчитанные на массового потребителя, но выполненные на высоком уровне. Среди них — гладкостволка Sauer 29S с замками в колодке или более дорогая и изысканная двустволка Sauer 29S с подкладными замками на боко-

вых пластинах. Разнообразные охотничьи спортивные карабины с надписью Mauser разошлись по многим странам, а классическая модель Mauser 98 (основа фирменного ряда моделей) превратилась в семейную ценность и служит многим поколениям. Современное охотничье оружие «Merkel Jagd-und Sportwaffen GmbH» представляет собой результат сочетания новейшей технологии, ручной сборки и искусной отделки. Среди элитных образцов: тройник высокого класса с блоком горизонтально соединенных стволов 403S Muffelwild — «Муфлон» с замками в коробке и боковыми деко-

ративными пластинами и трехстволка 4000S Hubertus — «Святой Хуберт» с подкладными замками на боковых пластинах, декорированная разнообразными сценами с участием покровителя охоты святого Хуберта.

Достоинством издания является не только профессиональный текст (охотничий стаж автора составляет почти 40 лет) и запоминающаяся обложка, а также словарь оружейных терминов, но и множество отличных фотографий, позволяющих оценить мощь и изящество ружей, специфику их изготовления, дизайн и функциональность.

Копейко Е.Г.
Охотничье и спортивное оружие мира. Германия.
М.: Вече, 2009. 320 с.: ил.
— (Охотничье и спортивное оружие мира).
3000 экз. (п)
ISBN 978-5-9533-2914-9

①

②

③

④

⑤

⑥

1

Механизм исследования

Национальный корпус русского языка: 2006 – 2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. А.В. Плунигян.
СПб.: Нестор-История, 2009. – 502 с. 400 экз. (п) ISBN 978-5-98187-327-0

Этот сборник материалов посвящен грандиозному лингвистическому проекту — Национальному корпусу русского языка, открытому в Сети (www.ruscorgo.ru) уже более пяти лет, но постоянно и последовательно пополняемому. Создаваемый изначально как по преимуществу отражающий текущее состояние языка, в дальнейшем корпус расширился, включив устный, диалектный, поэтический и другие подкорпусы. Литературоцентричному человеку более всего интересен последний — как уникальный инструмент исследования поэтического языка со стиховедческой и языковедческой позиций. В целом перед нами отнюдь не склад текстов, но работающий исследовательский и учебный механизм, позволяющий рассматривать различные языковые пласты по множеству параметров — и это при том, что работа над корпусом еще в самом разгаре.

2

Жест приношения

Учителя учителей: Очерки и воспоминания / Отв. ред. Е.И. Пивовар.
М.: РГГУ, 2009. – 242 с. 500 экз. (о) ISBN 978-5-7281-1099-6

В книге собраны по сути дела признания в любви — известные ученые пишут о своих учителях, как ушедших от нас, так и, по счастью, здравствующих (увы, остающихся в меньшинстве). Ректор РГГУ Ефим Пивовар вспоминает историка Владимира Дроби-

жева, Крупнейший современный фольклорист Сергей Неклюдов — одного из корифеев фольклористики и антропологии XX в. Елеазара Мелетинского, Павел Шкаренков — Галину Белую... Эта книга, пожалуй, не столько источник по истории гуманитарной мысли минувшего века, хотя яркие подробности биографии или творческого, научного, педагогического метода того или иного из героев очерков важны и ценны, — сколько именно жест приношения, явно выходящая по своему пафосу за пределы обыденных «датских» приветствий и мемуаров.

3

Прошедшее как настоящее

Василенко С. Проза в столбик: Книга стихов.
М.: Союз российских писателей, 2009. – 112 с. 1500 экз. (о) ISBN 978-5-901511-07-7

Обращение известного прозаика Светланы Василенко к поэзии было встречено некоторыми из окружающих литераторов настороженно. В то же время ее поэтические опыты вызвали неподдельный интерес представителей разных кругов, направлений, поколений. Несколько кокетливое (либо же просто использованное в целях самозащиты) определение, вынесенное в заголовок сборника — «Проза в столбик», — не должно обманывать. Перед нами именно стихи, яркий образец лирического, рефлексивного, медиативного, притчевого верлибра (хотя сама Василенко, кажется, сознательно избегает данного термина). Впрочем, в книге можно встретить и несколько примеров регулярного стиха, отнюдь не выпадающего из общей канвы сборника. Человеческий опыт, многообразие памяти и переживание прошедшего как настоящего пронизывают поэтические тексты этой книги.

4

Особенности композитора

Жизнь есть дух: Композитор Алемдар Караманов: Воспоминания, беседы, интервью, статьи, радиопередачи, автобиографическая проза / Сост. С.С. Крылатова.
М.: Феодосия: Изд. дом Коктебель, 2009. – 360 с. – (Портрет мастера: Вып. 2). 1000 экз. (п) ISBN 978-5-8125-1326-9

Фигура Алемдара Сабитовича Караманова (1934–2007) в истории современной смфонической музыки стоит особняком. Знатоки, музыковеды и меломаны ставят Караманова необыкновенно высоко; в то же время — в пространстве широкой интеллектуально-богемной тусовки и культурной журналистики его имя куда менее на слуху, нежели имена равновеликих Шнитке или Губайдуллиной. Это сложно объяснить жизненной географией композитора (Караманов жил в Крыму), особенностями его характера и даже собственно творческим методом. Скорее, так сложились обстоятельства. Нынешнее собрание материалов о Караманове весьма полно и может сыграть свою роль в пропаганде карамановской музыки.

5

Культурное состояние

Бартов А. Ритм эпохи.
СПб.: Юлюкка, 2009. – 164 с. Тираж не указан. (о) ISBN 978-5-904699-01-7

Новая книга статей и эссе прозаика Аркадия Бартова, нередко называемого единственным петербургским концептуалистом, вовсе не ограничивается текущей культурой. В книге два раздела; первый посвящен культурным

феноменам и явлениям, таким как петербургский миф, контекстное понимание литературы, проблема преемственности и разрыва. Второй связан с персоналиями. Публикация книг и юбилейные даты становятся поводом для отнюдь не тривиального разговора о Майкле Хардте и Антонио Негри, Джордже Оруэлле, Эжене Ионеско, Хосе Ортега-и-Гассете, Тургеневе, Льве Толстом, Достоевском, Чехове, даже Сергее Нилусе. Бартова явственно привлекают темы, выходящие за пределы литературной эмпирики, но имеющие глубинное эстетико-философское значение, позволяющие говорить о культурном состоянии современности (в значительной степени связанной с переосмыслением опыта предшественников) в целом.

6

Вопреки журнализму

Кравченко В. Мясо помидора.
М.: 3.PA, 2010. – 112 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-98575-464-3

Первая поэтическая книга Владимира Кравченко говорит о нем, как об интересном и ярком авторе. Неожиданно сочетание профессии поэта и его творческого метода: Кравченко — криминальный журналист (между прочим, основатель рубрики «Хроника происшествий» в «МК»), в то же время стихи его отнюдь не репортажны или публицистичны (хотя эта тенденция вполне признана в новейшей поэзии), напротив, вопреки профессиональному журнализму, — перед нами гротескно-сюрреалистические, трагико-иронические верлибры: «я понимаю теперь почему такие размазанные глаза / у меня / они следствие этих длинных ночей / ночи уходят / а я остаюсь / а глаза не знают что им делать / как быть / с кем оставаться им». В книге встречаются и изящные миниатюры: «белые гуси утки блистают в траве / как множество маленьких солнц».

Автор рецензий — Данила Давыдов

Екатерина Вихрова

Все болезни от...

Добсон Р. Смерть можно вылечить и еще 99 невероятных медицинских гипотез о нас и о нашем здоровье / Пер. с англ. К. Манзюк.
М.: Добрая книга, 2010. – 224 с. Тираж не указан (о) ISBN 978-5-98124-375-2

Авторы действовали по принципу «случайных совпадений не бывает». По их мнению, солнце вызывает шизофрению, освещение ночью — рак, а если часто пользоваться мылом, то недалеко и сердцем захворать. Все свои открытия ученые основывали на количественной статистике. В Японии, например, выяснили, что причиной распространения рака яичек и предстательной железы у мужчин является молоко. Доказательство одно — 50 лет назад, когда у японцев молочные продукты не пользовались популярностью, то и страдающих от этой болезни было не много. Однако за последние полвека, пропорционально росту среди населения западного образа жизни, увеличилось и потребление молока, с этим и болезнь рака указанных органов.

В общем, книга состоит полностью из статей журнала «Medical Hypotheses» — издания, которое специализируется на публикациях идей, а не на данных экспериментальных и эмпирических исследований.

Катя Вихрь

Сухопутный серфинг

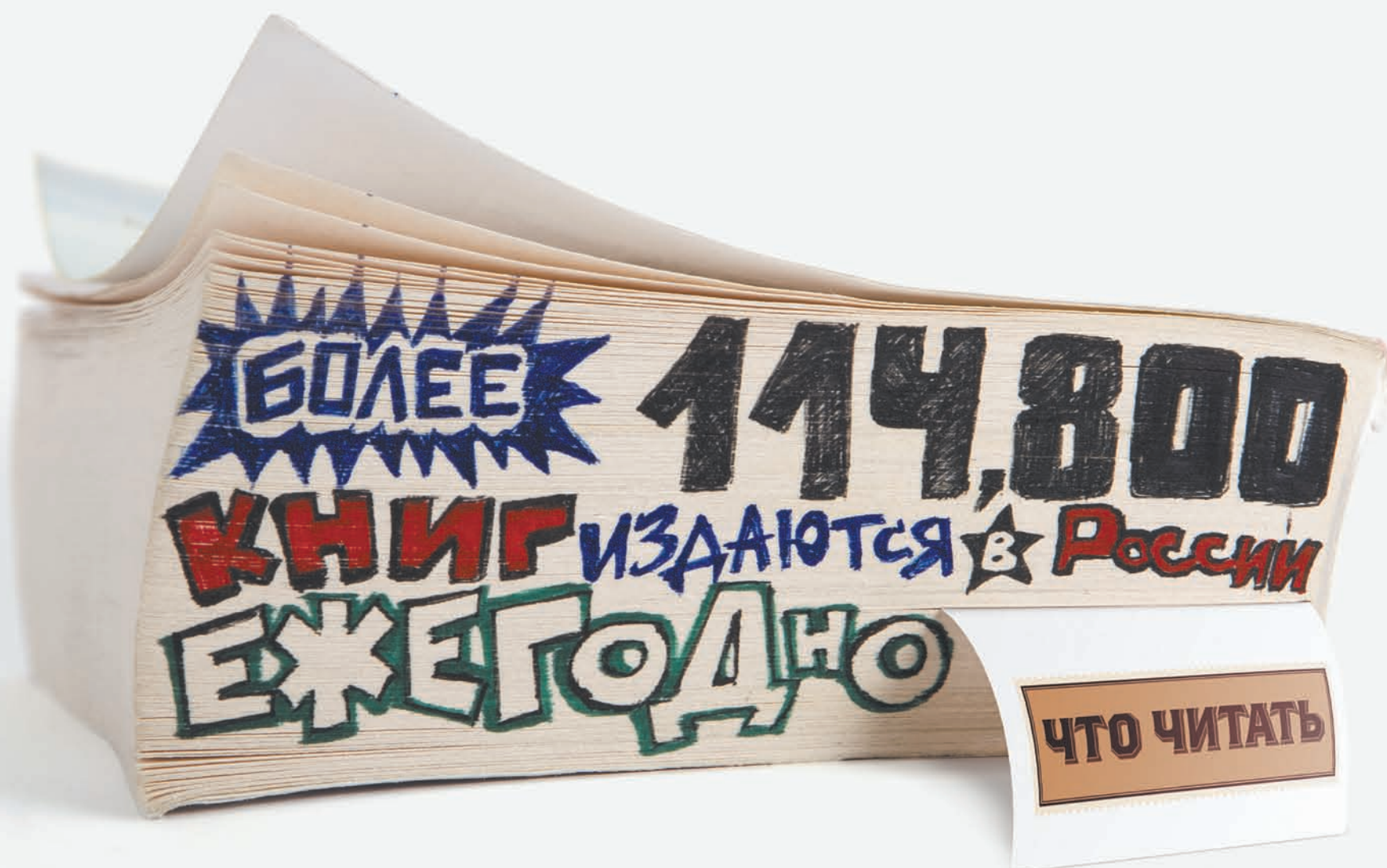

Хок Т. Профессия: скейтер / Пер. с англ. Д. Лисина.
СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 413 с.: ил. – (Sub[культура]). 5000 экз. (п) ISBN 978-5-367-01097-8

Сухопутный серфинг. Вы когда-нибудь слышали о таком? Однако именно серферы перенесли на землю свое искусство, которое позже стали именовать скейтбордингом. На кое-как скрепленных четырех колесах с доской они разучивали элементы на земле, прежде чем опробовать их на морской стихии. Позже этих ребят сменили настоящие энтузиасты и любители земного катания на доске, развив скейтбординг от субкультуры до популярного спорта.

Тони Хок — многократный призер скейтерских констестов, один из тех, кто полюбил кататься тогда, когда ребят с доской считали сумасшедшими и обижали в школе. Детство, юность, зрелость — всю свою жизнь Хок описывает через призму развития скейтбординга. О трюках — от самых простых до невероятно сложных — взлетах и падениях, тренировках и травмах, о своих кумирах и фанатах он пишет незамысловатым, популярным языком.

реклама

МЫ ЧИТАЕМ ВСЁ, ЧТОБЫ ВЫ ЧИТАЛИ ЛУЧШЕЕ
ЖУРНАЛ «ЧТО ЧИТАТЬ»

По вопросам редакционной подписки обращаться:
Тел.: (495) 955-79-70
E-mail: raspr@knigoboz.ru

индекс в каталоге "Почта России" №45031
индекс в объединенном каталоге №50041

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
ГП "Генеральная дирекция международных книжных выставок и ярмарок" сообщают:

XIII НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА КНИГИ РОССИИ

СОСТОИТСЯ:

10 – 15 марта 2010 года

В программе:

- представление более 100 000 новых книг из всех регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья
- поиск деловых партнеров, подписание контрактов, протоколов о намерениях, обмен идеями, экспонирование изданий на электронных носителях
- научно-практические конференции, пресс-конференции, встречи с авторами, "круглые столы" и презентации
- подведение итогов книжных конкурсов (конкурс книготорговых предприятий РФ, антиприз "Абзац" и др.)

Место проведения:

Россия, Москва, Всероссийский выставочный центр, павильон №57

Регистрация участников:

ГП "Генеральная дирекция
международных книжных выставок
и ярмарок"
127006, Москва,
ул. Малая Дмитровка, д. 16

Тел.: (495) 699-97-90, 699-34-66,
699-40-12

Факс: (495) 609-01-32, 699-25-39

Отдел рекламы: (495) 699-86-55

E-mail: mibf@mibf.ru

www.mibf.ru

НАЙДИ КНИГУ!

второй московский фестиваль вольных издателей
Москва 12–14 февраля 2010

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
ГОРОДА МОСКВЫ

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА

Государственное учреждение
культуры города Москвы
выставочный зал
«ГАЛЕРЕЯ НА СОЛЯНКЕ»

БУКВЫ ЗВУКИ ЦАКИ

гильдия вольных издателей

более 60 участников
7 выставок
концерты, лекции, презентации,
мастер-классы, показы

ЗАО ТИД «Амфора» разыскивает наследников переводчиков:

– Орловской Дины Григорьевны;
– Роговина Семена Михайловича (?-1940).

Просим наследников связаться с руководителем отдела прав и переводов –
Лукиянчук Марией: (812) 331-87-59 или с Шилиной Анной: +7921-8912618

Издательство «Дрофа» разыскивает
правообладателей МОРОЗОВА
Александра Антоновича
в связи с изданием книги
«Немецкий романтизм».
Контактный тел. 495 795-05-41
(доб.13-35, 13-56)

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80
«Богословская книга»
ст. м. «Пролетарская», ул. Иерусалим-
ская, 3. Тел.: 670-22-00, 670-76-44
«Книга Максима» 1-й корпус гум. фак-
тов МГУ, прибиблиотечный вестибюль.
Тел. 768-03-93
«Книжная коллекция»
115184, Москва,
Б. Овчинниковский пер., 16,
ТЦ «Аркадия», 1-й этаж.
Тел. 8-905-590-37-32
Книжная лавка при Литинституте
им. А.М.Горького ст. м. «Тверская»,
Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98
Книжная лавка при ВГБИЛ
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
«Китай-город», ул. Николоямская, 1,
центральный вход. Тел.: 915-31-00
«Летний сад» ст. м. «Библиотека
им. Ленина», Книжная лавка при РГБ.
Тел. 622-83-58
«Молодая гвардия» ст. м. «Полянка»,
ул. Б. Полянка, 28. Тел. 238-50-01
Московский дом книги
ст. м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, 8.
Тел.: 203-82-42, 203-75-60
«Москва» ст. м. «Пушкинская»,
«Тверская», ул. Тверская, 8.
Тел. 629-64-83
«Русское
зарубежье»
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. 915-27-97

«Фаланстер» ст. м. «Пушкинская»,
Малый Гнездиковский пер., 12/27.
Тел. 749-57-21

Сеть книжных магазинов «Амитель»
г. Воронеж: ул. Ф. Энгельса, 52,
книжный супермаркет.
Тел. (4732) 61-01-52
ул. Челюскинцев, 88а, оптовый магазин.
Тел. (4732) 71-44-70
Ленинский просп., 153.
Тел. (4732) 23-17-02
Тел. (4732) 77-16-90
ул. Театральная, 19.
Тел. (4732) 54-56-22
ул. Ю.-Моравская, 74.
Тел. (4732) 31-87-02
ул. Хользунова, 35. Тел. (4732) 46-21-08
ул. Лизюкова, 66а. Тел. (4732) 47-22-55
ул. Плехановская, 33. Тел. 52-57-43
г. Новохоперск: ул. 25 лет Октября, 25.
Тел. (47353) 3-17-02
г. Богучар: ул. Дзержинского, 4.
Тел. (47366) 2-12-90
г. Поворино: ул. Советская, 87.
Тел. (47376) 4-28-43
г. Россошь: Октябрьская пл., 14б.
Тел. (47396) 5-28-01
пр. Труда, 26. Тел.: (47396) 5-28-05,
5-28-07
г. Семилуки: ул. Гагарина, 30.

Тел. (47372) 2-06-37
г. Калач: Колхозная пл., 23.
Тел. (47363) 2-18-57
г. Липецк: ул. Берзина, 3а. Тел. (4742)
33-91-60; факс (4742) 33-88-16
пр.60 лет СССР, 37 (ТД «Спутник».
Тел. (4742)41-21-11
ул. Плеханова, 54. Тел. (4742) 27-23-40
г. Елец: ул. Советская, 77.
Тел. (4746) 74-64-38
г. Белгород: пр. 50 лет Белгородской
обл., 12б. Тел. (4722) 58-39-36
г. Губкин: ул. Дзержинского, 115.
Тел. (4721) 7-35-57
г. Старый Оскол: мрн. Олимпийский,
56а. Тел. (4725) 42-81-48
ул. Ленина, 32/3б. Тел. (4725) 44-52-93
г. Курск:
ул. К. Маркса, 49. Тел. (4712) 58-48-87
пр. Хрущева, 5а (2-й этаж,
ТЦ «Европа»). Тел. (4712) 51-91-15

В Санкт-Петербурге:
ООО «Санкт-Петербургский Дом книги»
Невский пр., 28.
Тел. (812) 448-23-55

В Волгограде:

Сеть магазинов «Книжный город»
ул. Гоголя, 4. Тел. (8442) 33-47-74

ул. Коммунистическая, 60б.
Тел. (8442) 23-31-13
ул. Ополченская, 10.
Тел. (8442) 74-06-64
В Иркутске:

«Мир книг»
ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98
«Книга-маркет» ул. Улан-Баторская, 2.
Тел. (3952) 52-63-39
«Иркутская книга»
ул. К. Маркса, 12. Тел. (3952) 201-911
«ПродаЛитЪ» ул. Байкальская, 172.
Тел. (3952) 51-30-70
«ТЦ ПродаЛитЪ»
ул. Партизанская, 1. Тел. (3952) 20-66-07
«ПродаЛитЪ»
Советский пер., 1.
Тел. (3952) 51-82-95
г. Ангарск: «Ангарский ПродаЛитЪ»
ул. Ленина, 30. Тел. (3951) 52-82-69
г. Братск: «Братская книга»
ул. Крупской, 27.
Тел. (3953) 42-85-06
г. Улан-Удэ: «Книжный ряд»
ул. Шумяцкого, 3а.
Тел. (3012) 42-06-83
г. Шелехов: «Шелеховский ПродаЛитЪ»
5-й квартал, 23а. Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:
Сеть магазинов «Дирижабль»:

ул. Большая Покровская, 4б.
Тел. (831) 4-340-305
ул. Большая Покровская, 4б.
2-й этаж – Литературное кафе
«Библиотека»
Тел. (831) 433-89-34
ул. Белинского, 118.
Тел. (831) 278-78-47
ул. Щербаковская, 2.
Тел. (831) 270-45-66
В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»
Магистр-Чехова
ул. Чехова, 31.
Тел. (863) 263-53-31
Магистр-Универсальный
ул. Б. Садовая, 67.
Тел. (863) 299-98-96
Магистр-Журавлева
пер. Журавлева, 48/144.
Тел. (863) 263-40-98
Магистр-Северный
ул. Королева, 22/30.
Тел. (863) 248-63-87
В Таганроге:
Магистр-Таганрог
ул. Петровская, 42. Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:
Магистр-Волгодонск

ул. 30-летия Победы, 9.
Тел. (292) 7-43-78
В Ставрополе:
Магистр-Ставрополь
ул. Голенева, 49.
Тел. (8652) 26-62-95
В Молдове:
"Liga Presei"
Chisihav. bd. Stefan cel 196.
Тел. +373-22-21-85
В Риге:
Sia Yanus:
Рига, ул. Езусбазицас, 7а.
Тел. магазина (+371) 722-17-78, 722-17-76
Тел. оптового склада
(+371) 722-14 67
В Украине:
ДП «Саммит-Книга»
г. Киев, ул. М. Берлинского, 9.
Тел. +380-44-501-93-94
В Берлине:
«Русские книги» Кантштрассе 84 10627.
Тел. 030/323-48-15
Русский дом науки и культуры
«Русские книги»
Фридрихштрассе 176-179 10117.
Тел. 030/203-02-321
В Дюссельдорфе:
«Русские книги»
Иммерманнштрассе, 65

бестселлеры

Рейтинги продаж интернет-магазинов

место	автор, название, издательство
1	Герб Коэн. Обо всем можно договориться. М.: АСТ, 2010.
2	Анжела Байрон. Drupal: создание и управление сайтом. СПб.: Символ-Плюс, 2010.
3	Пол Экман. Узнай лжеца по выражению лица. СПб.: Питер, 2010.
4	Борис Акунин. Весь мир театр. М.: Захаров, 2009.
5	Том Демарко. Балдеющие от адреналина и зомбированные шаблонами. СПб.: Символ-Плюс, 2009.
6	Джина. Английский для наших. СПб.: Символ-Плюс, 2007.
7	Дэн Браун. Утраченный символ. М.: АСТ, 2010.
8	Джонатан Чаффер. Изучаем jQuery 1.3. Эффективная веб-разработка на JavaScript. СПб.: Символ-Плюс, 2010.
9	Алексей Басов. Инструмент для быстрого старта в контекстной рекламе. СПб.: Питер, 2010.
10	Марк Далримпл, Скотт Кнастер. Objective-C 2. 0 и программирование для Mac. М.: Вильямс, 2010.

место	автор, название, издательство
1	Борис Акунин. Весь мир театр. М.: Захаров, 2010.
2	Александра Маринина. Взгляд из вечности. Ад. М.: Эксмо, 2010.
3	Дэн Браун. Утраченный символ. М.: АСТ, 2010.
4	Мюриель Барбери. Элегантность ежика. М.: Иностранка, 2010.
5	Юлия Гиппенрейтер. Общаться с ребенком. Как? М.: АСТ, 2008.
6	Стиг Ларссон. Девушка, которая играла с огнем. М.: Эксмо, 2010.
7	Татьяна Устинова. На одном дыхании! М.: Эксмо, 2010.
8	Стефани Майер. Сумерки. М.: АСТ, 2008.
9	Ирина Млодик. Книга для неидеальных родителей, или Жизнь на свободную тему. М.: Генезис, 2009.
10	Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом. М.: АСТ, 2008.

Снова здорово

Долгожданный «Утраченный символ» продержался на первой позиции хит-парада только один месяц. Начался февраль, и на пост лучшего заступил Борис Акунин с книгой «Весь мир театр». «Утраченный символ» спустился на вторую позицию. Третью и четвертую по-прежнему занимают вампирские саги Стефани Майер. «Легенды Арбата» Михаила Веллера остались на пятом месте, «На одном дыхании!» Татьяны Устиновой поднялось с девятого на шестое, а «Гипсовый трубоч» Юрия Полякова, напротив, спустился с шестого на седьмое место. Три нижних позиции занимают новинки, среди них — третья книга Марииной из серии «Взгляд из вечности» и третья же часть фантастического боевика «Эпоха мертвых» Андрея Круза.

В рейтинге фикшна в обложке новинка только одна — на восьмом месте «Дневники вампира» американской писательницы Лизы Смит, популярность которой объяснять следящим за нашими рейтингами не приходится. Здесь же на четвертой позиции идеолог жанра Стефани Майер, на прошлой неделе в десятку попало ее «Затмение» в мягком переплете, на этой неделе — «Рассвет». В остальном участники, поменявшись местами, остались все те же, разве что в рейтинг снова попало «Метро 2034» взамен выбывшей «Вечной ночи» Полины Дашковой.

А вот нехудожественные бестселлеры в переплете снова ведут себя неожиданно. Уже второй раз за последний месяц на первом месте оказывается «Подстрочник» Олега Дормана, обгоняя по продажам и Маргариту Королеву, и Пола Экмана, которые, соответственно, занимают второе и третье с четвертым место. История России в вольном пересказе Владимира Мединского вступила сразу на пятое место, новая книга Николая Кротова о приключениях банкира Виктора Геращенко — на девятом, и вечный участник таблоида Валерий Синельников на десятом месте, на этот раз с книгой «Питание в благости». В нон-фикшне в обложке, как обычно, никаких шокирующих подробностей. Разве что первый бестселлер Юлии Гиппенрейтер опять вернулся в десятку лучших, но этим уже 191 неделю никого не удивить.

Вера Вяземская

Fiction

переплет

место	автор, название, издательство
(пред. нед / всего нед.)	
1 (2/2)	Борис Акунин. Весь мир театр. М.: Захаров, 2010.
2 (1/3)	Дэн Браун. Утраченный символ. М.: АСТ, 2010.
3 (4/24)	Стефани Майер. Затмение. М.: АСТ, 2009.
4 (3/20)	Стефани Майер. Рассвет. М.: АСТ, 2009.
5 (5/8)	Михаил Веллер. Легенды Арбата. М.: АСТ, 2009.
6 (9/2)	Татьяна Устинова. На одном дыхании! М.: Эксмо, 2009.
7 (6/2)	Юрий Поляков. Гипсовый трубоч: Дубль два. М.: АСТ, 2010.
8 (-/1)	Александра Маринина. Взгляд из вечности. Ад. М.: Эксмо, 2010.
9 (-/1)	Андрей Круз. Эпоха мертвых. Прорыв. М.: Альфа-книга, 2010.
10 (-/1)	Уильям Пол Янг. Хижина. М.: Эксмо, 2009.

обложка

место	автор, название, издательство
(пред. нед / всего нед.)	
1 (-/1)	Владимир Березин. Путевые знаки. М.: АСТ, 2010.
2 (5/2)	Елена Кондратьева. Миллиардер. Ледовая ловушка. М.: АСТ, Этногенез, Популярная литература, 2010.
3 (2/3)	Екатерина Вильмонт. Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона. М.: АСТ, 2009.
4 (-/2)	Стефани Майер. Рассвет. М.: АСТ, 2010.
5 (6/7)	Татьяна Устинова. Третий четверг ноября. М.: Эксмо, 2009.
6 (7/5)	Сергей Волков. Маруся 2. Таежный квест. М.: АСТ, 2010.
7 (3/26)	Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом. М.: АСТ, 2008.
8 (-/1)	Лиза Джейн Смит. Дневники вампира. Ярость. М.: АСТ, Астрель-СПб., 2010.
9 (8/84)	Дмитрий Глуховский. Метро 2033. М.: Популярная литература, 2008.
10 (-/27)	Дмитрий Глуховский. Метро 2034. М.: АСТ, 2009.

Non-fiction

переплет

место	автор, название, издательство
(пред. нед / всего нед.)	
1 (4/3)	Олег Дорман. Подстрочник: Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель, 2010.
2 (1/19)	Маргарита Королева. Легкий путь к стройности = Похудеть навсегда. М.: АСТ, 2009.
4 (2/12)	Пол Экман. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер-Маркет, 2010.
5 (3/2)	Пол Экман. Узнай лжеца по выражению лица. СПб.: Питер-Маркет, 2010.
5 (-/1)	Владимир Мединский. Особенности национального пиара. Равдивая история Руси от Рюрика до Петра. М.: Олма Медиа Групп, 2009.
6 (6/2)	Людмила Третьякова. Графская любовь. М.: Виконт-ВМ, 2010.
7 (-/7)	Наталья Жукова. Букварь. М.: Эксмо, 2002.
8 (5/39)	Ронда Берн. Тайна. М.: Эксмо, 2008.
9 (-/1)	Николай Кротов. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко. М.: Экономическая летопись, 2010.
10 (-/1)	Валерий Синельников. Питание в благости. М.: Центрполиграф, 2010.

обложка

место	автор, название, издательство
(пред. нед / всего нед.)	
1 (1/9)	Тамара Глоба. Гороскопы на 2010 год. М.: Лабиринт, 2009.
2 (2/58)	Дмитрий Щеглов. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». М.: Астрель, 2009.
3 (8/15)	Юлия Гиппенрейтер. Продолжаем общаться с ребенком. Так? М.: Астрель, 2009.
4 (-/191)	Юлия Гиппенрейтер. Общаться с ребенком. Как? М.: АСТ, 2009.
5 (9/10)	Джон Грэй. Мужчины с Марса. Женщины с Венеры. М.: София, 2009.
6 (-/1)	Сергей Лазарев. Человек будущего. Воспитание родителей. Ч.3. СПб.: Глобус, 2009.
7 (5/113)	Ален Карр. Легкий способ бросить курить. М.: Добрая книга, 2008.
8 (4/7)	Стив Харви. Поступай как женщина, думай как мужчина. М.: Эксмо, 2009.
9 (3/2)	Кен Рассел. Самые точные тесты IQ тестов. М.: АСТ, 2008.
10 (-/1)	Александр Зараев. Большой астрологический календарь – 2010. М.: Пирамидион, 2009.

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амита-ль», «Новый книжный», «Библиосфера», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «У Сытина», в книготорговой группе «ПродаЛить», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

ПОДПИСКА – 2010

Вниманию читателей!

Приложение «PRO» в розницу не распространяется

Ф. СП-1		Министерство связи									
АБОНЕМЕНТ на газету/журнал		<input type="text"/> (индекс издания)									
книжное обозрение		Количество комплектов:									
на 2010 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		<input type="text"/> (почтовый индекс)									
Кому		<input type="text"/> (фамилия, инициалы)									

ДОСТАВочная КАРТОЧКА											
<input type="text"/> П В место ли-тер	<input type="text"/> на газету/журнал (индекс издания)										
книжное обозрение											
(наименование издания)											
Стоимость	подписки	руб. ____ коп. ____	Количество комплектов:								
	пере-адресовки	руб. ____ коп. ____									
на 2010 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		<input type="text"/> (почтовый индекс)									
Кому		<input type="text"/> (фамилия, инициалы)									

**На всей территории России
продолжается подписка на газету
«Книжное обозрение»
на первое полугодие 2010 года!**

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется:

**По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый);
для подписчиков Москвы – стр. 142.**

Индекс 50051 – газета «Книжное обозрение»;

Индекс 83102 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России»:

Индекс 12823 – «Книжное обозрение»;

Индекс 12786 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

**Подписку
можно оформить
в почтовых отделениях связи**

Подписка через альтернативные агентства подписки

ООО «Агентство «ЭксПресс». тел. (495) 234-23-80, 940-17-47; e-mail: zakaz@xxpress.ru

ООО «Вся пресса». Подписка в регионах. Партнера в вашем регионе

вы можете узнать по телефону (495) 234-03-08.

«Информ-система». тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru

ООО «Информнаука». тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com;
e-mail: alfimov@viniti.ru

ЗАО «МК-Периодика». тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.peridicals.ru

ООО «Интер-Почта-2003». Подписка в России и странах ближнего зарубежья.

Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru;

e-mail: interpochta@interpochta.ru

ООО «ИВИС» East View Information Services Minneapolis (USA), tel.: +1-763-550-0961

Москва (РФ), тел.: +7-495-777-6557; e-mail: periodicals@eastview.com URL: www.eastview.com

ООО «Агентство «Артос-ГАЛ». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине. Тел. (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.

Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244,
e-magazin: www.magazines.lt

Подписка в Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц.

Тел. (1038044) 536-11-75; URL: prescentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

①

②

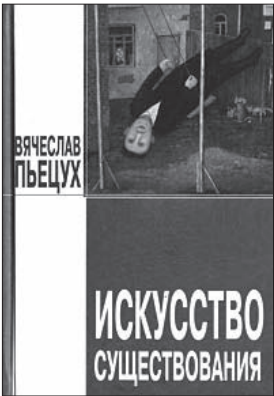
③

④

⑤

⑥

1

Выбери будущее

Вильгельм М., Мэтисон Д.
Аватар: Секретный доклад о биологии и истории Пандоры / Пер. с англ. О. Ратниковой.
СПб.: Азбука-классика, 2010. – 224 с.:ил. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9985-0766-3

Авторы подробнейшим образом описали два соприкоснувшихся, но таких разных мира: Землю и Пандору. Записки «смонтированы» под документы и описания очевидцев. Диковинный и необычный мир чужой планеты показан глазами исследователей. С чего начинается жизнь аборигенов? С завораживающих песен Унилтарон (или «Охоты во Сне»), необычной любви с переплетением нервных окончаний, скрытых в косах или первых детских игрушек-банши? Люди любят экзотику, но не готовы расплачиваться за нее, поэтому возникают такие проблемы, как непредвиденные последствия ввоза панорианских растений и животных на Землю.

2

В ответе за случайность

Делински Б.
Наша тайна / Пер. с англ. О. Бершадской.
Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2009. – 320 с. – (Американский BEST). 2000 экз. (п) ISBN 978-5-9910-0751-1

Обычная жизненная история со стандартными персонажами: сорокалетняя женщина, ее шестнадцатилетняя дочь; младший сын; муж, с которым она давно развелась... Все не то чтобы хорошо, и не то чтобы трагично. Семья живет на отшибе, потому что когда-то их любящий папа решил построить особняк в лесу, купив «кучу земли». А потом бросил и

особняк, и семью и уехал в город, чтобы жить там со своей давно забытой любовью...

Однажды мать с дочерью возвращались в проливной дождь домой и ссорились между собой. За рулем автомашины была дочь, еще несовершеннолетняя и не имевшая прав. Из чащи леса на дорогу бросился человек. Удар – и тело отброшено в заросли. Мать, по профессии семейный врач, сразу вызвала «Скорую помощь» и полицию. Что говорить властям? На что способна мать ради собственной дочери? Нужно ли спасать близкого человека ценой собственной жизни и свободы?

3

Пьяное чародейство

Мяхар О.
Дневник мага: Фантастический роман.
М.: Альфа-книга, 2010. – 314 с.:ил. 12 000 экз. (п) ISBN 978-5-9922-0519-0

Жил-был маг И. И. Антониус. Поскольку ЖЖ в том королевстве еще не было, решил маг записать свои будущие великие подвиги и предстоящие приключения в свой особый дневник, который должен был сам сохранить подробности его жизни для будущей книги (в серии «Жизнь Замечательных Магов»). Все началось с «прикручивания» намагниченной таблички, притягивающей потенциальных работодателей. Поскольку платящий клиент всегда прав, началось исполнение девичьих заветных желаний (пышные волосы, бюст, ноги подлиннее, от ушей, а шею потоньше), мужских просьб (силы и прочего). Получалось не всегда и не то, но зато вскоре повернулся кот (какой же волшебник без неведомой зверюшки?) и заказчик-принц, которому потребовалось ради любимой девушки убить василиска, вырвать зверюшке глаз и дать съесть предмет своей любви. Для выполнения столь ответственной миссии благородной особе необходима помощь волшебника...

4

Хлеба и зрелищ!

Мэтьюз Р.
Эпоха гладиаторов / Пер. с англ. Д.В. Вознякевича.
М.: Вече, 2010. – 240 с.: ил. – (O tempora, o mores). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-3088-6

Примерно в середине III в. до н.э. римляне позаимствовали у своих соседей этрусков обычай устраивать при погребении знатных особ смертельные схватки вооруженных военнопленных. Со временем гладиаторские бои превратились в любимое развлечение римлян, стали частью всех массовых праздников, проводимых в Римской республике, но своего расцвета гладиаторство достигло в помпезную и жестокую эпоху цезарей. Именно императорам принадлежали самые известные и дорогие школы гладиаторов. Наиболее выдающиеся гладиаторы были предметом обожания, имена их были известны по всей Империи, у них, как и у современных звезд спорта и эстрады, были толпы поклонников. Классический распорядок проведения зрелищ был следующим: поутру проводилась травля дикими животными; в полдень происходили публичные зрелищные казни или акробатические шоу; в полуденное время начинались гладиаторские бои.

5

Смысл бытия

Пьецух В.
Искусство существования: Эссе, рассказы.
М.: ЭНАС, 2009. – 224 с. 3000 экз. (п) ISBN 978-5-93196-959-6

В России так уж повелось, что самые «главные» философские вопросы бытия задают именно писатели, порой, как Пьецух, иллюстрируя примерами из собственной жизни или судеб «рожденных» им героев. Как изменил человеческое общество суеливый научно-технический прогресс и чем отличается кре-

стьянин, неторопливо шедший за телегой столетие назад, от его потомка, «рассекающего» на навороченном «мерсе» по той дороге? Почему русские люди одиноки, и одиноки ли они на самом деле? Действительно ли, что «в России не бывает совершенно одиноких людей, уже 200 лет не существует беспроектного одиночества как этической категории, поскольку всегда с тобой верный товарищ – Пушкин, который, если что, и утешит, и порадует, если что». Где граница между личным Добром и Злом, или большинство из нас по привычке живет «посредине», на призрачной нейтральной полосе, где бальзам медленно превращается в яд, а яд – в эликсир бессмертия, разлитый по нечаянности обычным человеком, соседом по лестничной площадке...

6

Опережая время

Корчевский Ю.
Корсар.
СПб.: Ленинградское издательство, 2010. – 384 с. 13 050 экз. (п) ISBN 978-5-99-42-0489-4

Нелегко живется людям в Прошлом! Особенно, если привык к гламурному XX веку, всевозможным удобствам и даже помощи отечественной милиции. Вот и приходится доктору Юрию, скитаться по полуграмотной Руси там и сям, в поисках лучшей доли, дела, женщины и т.д. В провинциальном Пскове много знакомых, но город невелик, и к тому же порой происходят здесь не самые приятные события... Другое дело – величавый Владимир, где можно развернуться, исцелить дочь самого наместника и стать его советником, получив солидный по тем временам чин «оракула». А помогать хворым и недужным, используя навыки медицины будущих веков, врачу-авантюристу никто не может запретить... Тем более, что такой человек незаменим в делах государевых и вызывает интерес всевозможных персон. Но вот знакомство с многими из них порой опасно для жизни...

Автор рецензий – Алекс Громов

Одд Локи

Золотое времечко

Дикий Е.
Комерс: Тем, кто не дожил: Роман.
М.: АСТ, АСТ МОСКВА, Полиграфиздат, 2010. – 352 с. 3000 экз. ISBN 978-5-403-02621-5

Молодость всегда бесшабашна и тороплива. Именно молодые люди в начале 90-х годов прошлого века создавали не просто первые «бизнесы», но и саму атмосферу первой постсоветской коммерции. Эта популяция первых коммерсов канула к 2000-м в небытие – не потому, что были чересчур глупы или жадны, просто для детей лихих 90-х это занятие было не просто бизнесом, а образом жизни, игрой, порой авантурной и бесшабашной, иногда – с легким оттенком благотворительности. Они жили ярко и коротко – уйдя из бизнеса или жизни...

Среднестатистический коммерс в кожаной курке и спортивном костюме искренне считал себя спасителем России, а потому нормальные пацаны легких путей не искали и за ценой не стояли. Роман – это слепок с жизни именно таких персонажей, ездивших на общественном транспорте и пешком с крупными суммами наличности, и при этом самонадеянно считавших, что завтра жизнь будет еще лучше.

Арти Д. Александер

По закону Хаммурапи

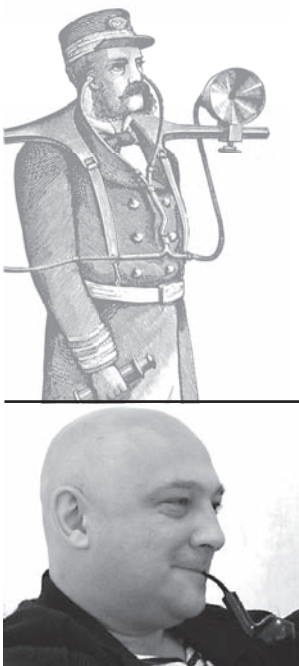

Бардески К. Д.
Месопотамия: Колыбель человечества / Пер. с итал. Г. Данилова.
М.: Ниола-пресс, 2010. – 128 с.: ил. – (Тайны истории). 7000 экз. (п) ISBN 978-5-366-00448-0

Если на Земле и есть место, где возник один из древнейших очагов культуры, – то это Месопотамия, прародина легендарных цивилизаций Шумера, Вавилона и Ассирии. Именно эти засыпанные песком Времени государства дали человечеству астрономию, литературные памятники, Висячие сады Семирамиды, ступенчатые пирамиды-зиккураты и предания о Вавилонской башне и Всемирном потоле. Долгое время Вавилон был не столько географическим названием, а неким символом – греха и гордыни, синонимом всякого большого, богатого и при том безнравственного города, олицетворением мирового зла, стремящегося поработить все остальные народы. Возвращение Вавилона «в реальность» состоялось лишь в конце XIX века – его раскопки относятся к числу самых грандиозных и дорогостоящих в истории археологии. Прошли века со времени смерти в одном из вавилонских дворцов Александра Македонского, и из небытия выросли развалины Вавилона...

фантастика

Юбилейный «Бастион»

Итоги «Басткона»

Говоря об итогах «Басткона», нужно понимать, что в призовом корпоративном урожае как бы три составляющих — дипломы и внутренняя оценка переводческой школы Баканова, награды и дипломы, так сказать, более исторического толка, и награды за, скорее, литературный успех. В этом триединстве и заключен сложившийся образ конвента. Традиционно главных премий там четыре:

— премия «Меч Бастиона» (с 2000-го) — главный приз фестиваля от коллегии ЛФГ «Бастион»; премия «Чаша Бастиона» (с 2002-го) — присуждается общим голосованием; коммерческая премия «Иван Калита» (с 2002-го), призовая сумма которой определяется количеством участников, сдавших определенный взнос в призовой фонд награды; премия «Зеркало» (с 2003-го), которым отмечаются достижения в области перевода, премия «Карамзинский крест» (с 2007-го) — за позитивное отображение истории России. К этому добавляются многочисленные прочие дипломы и премии.

Итак — премия «Зеркало» досталась Марии Десятовой и Екатерине Романовой. «Карамзинский крест» достался Юлии Кудриной за монографию «Мария Федоровна» и Дмитрию Федотову за роман «Огненный глаз Тенгри». Еще один крест достался Елизавете Дворецкой за роман «Сокровище Харальда». Премия «Бесобой» была вручена Сергею Волкову за рассказ «Московская готика». «Чаша Бастиона» досталась москвичу Игорю Пронину за повесть «Путешествие в Гритольд». А премия имени Владимира Одоевского «За поддержание традиции интеллектуальной фантастики» за повесть «Чужие долги» была вручена Эдуарду Геворкяну.

Премия «Иван Калита» была вручена Кириллу Бенедиктову за роман «Блокада».

И, наконец, Ольга Елисева получила премию «Меч Бастиона».

22–24 января 2010 года в Подмоскowie прошла юбилейная, десятая литературно-практическая конференция, иначе говоря — конвент «Басткон». Традиционно это конвент довольно камерный, но, несмотря на кризисные явления и традиционную бедность в мире продавцов текстов, на конвент съехалось около полутора сотен человек.

Меня, правда, заинтересовали среди обсуждений более чисто исторические или отвлеченно литературные.

Над «Бастионом» постоянно витал дух фильма Лунгина про Ивана Грозного. Понятно, что массовая культура устроена так, что этим фильмом и его эпизодами будут мерить шестнадцатый век. Собственно, не только обычные люди, зрители и читатели, но и профессиональные историки будут либо благожелательно, либо неприязненно поминать его, говоря о царях, о последних Рюриковичах, о первых Романовых, о Смуте, о русской государственности, о Патриаршестве и вообще обо всем-всем.

На «Бастконе» отношение к фильму и книге Алексея Иванова было скорее неприемлемое (несмотря на компромиссное выступление Дмитрия Володихина).

Да и на заключительной дискуссии: «Поле битвы — история» опять всплыла тема грозного царя. Что и говорить — от этого персонажа не так легко отвязаться.

Причем сам Володихин делал доклад еще и на животрепещущую тему творчества Стругацких: «Стругацкие "зрелые" и "поздние" — различия в

Дмитрий Володихин: «А конвент у нас получился»

художественных особенно-стях основных текстов».

Долгое время братья Стругацкие как личности и их тексты были своего рода «священной коровой» внутри фендома. Дело не в том, что тексты как-то внезапно испортились, а в том, что изменился взгляд на них. Ненавистники и поклонники у Стругацких, конечно, остались навсегда — но вот люди, лишенные предубеждений, стремящиеся разобраться, как устроен механизм культуры, подступают теперь к Стругацким с разных сторон. Медленно сжимая кольцо, так сказать.

Вот что интересно, так это соотношение фантастики и обыденной жизни общества — тема чрезвычайно интересная.

Вот проходил на «Бастконе» семинар под первоначальным названием «Социум vs знание», что вели Эдуард Геворкян и Леонид Блехер.

Потом он превратился в нечто вроде дискуссии «Больше ли литературы фантастика или просто литература».

Надо сказать, что эта тема давняя. Литераторы очень давно считают себя чем-то вроде политиков, а политики особенно не хотят поступиться местом.

В девятнадцатом веке русская литература стала настоящей политической силой, с которой пришлось считаться власти. В веке двадцатом власть продолжала рассматривать писателей и литературу как политический и идеологический фактор. А вот за последние двадцать лет роль литератора как идеолога заметно упала (за исключением тех случаев, когда идеолог сам является литератором).

Это все приводит к естественному желанию поэта снова стать «больше, чем

Дмитрий Гордеевский: «А мы с соавтором написали еще одну книжку»

поэт». Тут есть несколько путей, и некоторых из них в дискуссии коснулись. Можно, во-первых, притвориться, что престиж литературы никуда не девался, и торговать почетными званиями и корочками дипломов на манер того, как за умеренные деньги у нас изготавливали непонятные ордена и выдавали звания академиков чрезвычайно экзотических академий.

Во-вторых, у фантастов есть уже опыт — в их среде жил и творил Рон Хаббард, из деятельности которого выросла целая «Церковь саентологии». Ее то пытаются судить за мошенничество, то снимают все обвинения — в общем, жизнь движется интересно. Но вот монетизировать фантастический мир, превратив чтение в служение тексту, — мысль интересная. Будут проблемы с теми, кто преследует тотали-

тарные секты, но это дело житейское. Наконец, можно сойтись с политиками. Один фантаст, к примеру, не так давно писал российскому Президенту и даже был им услышан. Отчего же не стать частью властных структур?

Впрочем, если говорить серьезно, то надо признаться, что в состоянии того кризиса, что преследует книгоиздание, множество писателей ищут себе дополнительные возможности для реализации. Фантасты менее других склонны запереться в башне из слоновой кости. Но писатель, который просто не хочет быть больше, чем писатель, рискует превратиться в персонажа анекдота, что рассчитывал быть богаче, чем другие короли, потому что «еще бы немножечко шил»...

И это только часть из многих мероприятий, что способствовали спорам и размышлениям на «Бастконе».

Фантастиковедение

Эта книга немецкой славистики показывает одну из сторон, что изучает «фантастическое» в литературе (часто фантастику определяют именно по «элементу фантастического, необычайного» в тексте. Но книга эта, переведенная только что на русский язык, как раз об академическом исследовании фантастического — там, где Гоголь и Одоевский, Достоевский и Булгаков.

Никаких «Битв с космическими пауками» и «Войны сталкеров» — это академическая наука, и язык соответственный: «Общей чертой всех этих каллиграфов и готических архитектурных цитат явля-

Лахманн Р.
Дискурсы фантастического.
М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 384 с. (п) 1000 экз. ISBN 978-5-86793-740-9

ется самоценная вещьность, а также орнаментальная структура, корреспонден-

рующая с орнаментально-гротескными начертаниями голов» (это о черновиках Достоевского). Лахманн при этом оперирует специальным понятием фантазм (phantasma), что «с одной стороны способен посредством мнемоники воссоздать нечто, в данный момент отсутствующее, но реально существующее и чувственно воспринимаемое, с другой — он способен не менее убедительно воспроизводить несуществующее и невозможное». Парадокс в том, что о фантастике — неважно, XIX века или века XXI пишут либо так, либо в формате особого фантастиковедения, то есть докладов

на конвентах любителей фантастики и на страницах фензинов. Оттого что есть нормальное литературоведение, к которому создается параллельный термин, наподобие бесчисленных современных академий, пародирующих одну — Российскую академию наук и бесчисленное множество московских университетов, пародирующих своим новым названием МГУ.

Говоря обо всем этом, нужно испытывать известное чувство уважения к людям, которые хотят написать в своем удостоверении то, что они хотят. И они имеют право это написать — потому что удостоверение ничего не

стоит. И наоборот — темный язык современной филологии и философии никогда не будет понятен типичным любителям современной фантастики.

Этот разговор филологов и фантастиковедов в общем случае описывается термином «когнитивный диссонанс».

Но вот если кому об образах Петербурга и Рима у Гоголя, мистификации у Набокова, метаморфозах в творчестве Бруно Шульца, «фантазматизации» фотографии в «Кларе Милич» Тургенева, с множественными источниками и обилием терминологии, — так это сюда, к Лахманну.

Группа товарищей

Кто такой Андрей Кивинов, любителям детективов объяснять не надо: это он отправил знаменитых питерских ментов защищать Улицы разбитых фонарей. Его «соучастник» Сергей Лукьяненко известен каждому, кто читает фантастику, а значит, перед нами потенциальный бестселлер. Молодцы, составители сборника, охватили две группы читателей разом!.. И только открыв оглавление, обнаруживаешь, что от Лукьяненко в книге лишь пролог, зато имеется еще пятеро соавторов — просто не настолько востребованных читателем-покупателем. Так-так, кажется, кто-то лукавит...

В «Ночи накануне» дюжина глав — дюжина историй плюс пролог, эпилог и рассказ-бонус.

Сюжет: в ночь накануне гибели мира Создатель дает шанс дюжине посетителей некоего чата возможность разубедить себя. Доказать, что творение его не так уж и безнадежно. Вот вам каждому дверь, позволяющая попасть

в любое время и в любую эпоху. Творите, придумывайте, пробуйте! До утра — шесть часов; отсчет пошел. *«Серега, я на полчаса. Мир спасу и обратно».*

Вообще, идея этого сборника родилась очень давно, чуть ли не десять лет назад. Сергей Лукьяненко задал тему, набросал героев, а группа фантастов должна была персонажей по одному подхватить и провести к финалу. Время шло, состав «соучастников» менялся. В итоге места фантастов заняли «криминальщики» во главе с Кивиновым, не только написавшим половину рассказов, но и чужие «табуретки» обтесавшим под единый мебельный гарнитур.

Любители читать сборники не по порядку быстро прочувствуют, что здесь этот номер не пройдет. Истории переплетены меж собой и полны взаимных отсылок и намеков. В роковую последнюю ночь мира почти все участники чата, доселе не знакомые друг с другом, сталкиваются

и пересекаются. Имея возможность очутиться в любом месте планеты, попасть в далекое прошлое или будущее (о, простор для фантазии!), большинство чатлан остается в родном Питере. Суета вокруг бара «Убежище», менты, братки, доступные девицы — Кивинов остается Кивиновым, пусть даже книга облачена в «фантастическую» черную обложку.

Несмотря на пролог, где в первых же шести предложениях трижды встречается прилагательное «случайный» («случайные люди», «случайные бродяги», «случайные гости»), «Ночь» поначалу производит хорошее впечатление. Такое крепкое, честное развлекательное чтиво без претензий. Более тускло по языку и не так драйвово, как в ранних кивиновских повестях (когда человек что-то знает и любит, это ох, чувствуется; собственно, и в «Ночи накануне» самый харизматичный из персонажей — мент Корнеев), но все равно. Некоторые истории сборника дей-

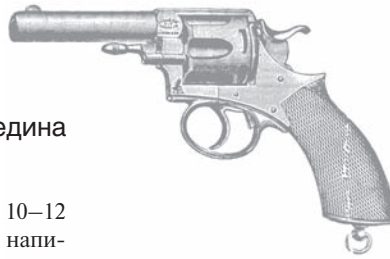

Кивинов А., Лукьяненко С. (При участии С.Гуреева, Н.Филатова, Е.Зубарева, А.Прокоповича, Л.Каганова). **Ночь накануне.** М.: АСТ; СПб.: Астрель, 2010. — 472 [2] с. 10 000 экз. (п) ISBN: 978-5-17-062555-0, 978-5-9725-1657-5

ствительно хороши. О вечных ценностях.

Но чем лучше начало, тем страшнее ждать финала. Неужели Кивинов его не сольет, неужто ловко свяжет концы в узел? Увы и ах. «Глава Девятая. Патриот» — разлюли-малина про толерантность — вдруг резко выбивается из

Наталья Федина

НОВОСТИ

Работа окончена

Американский беллетрист, автор детективных романов Роберт Паркер скончался у себя дома в городе Кембридже, штат Массачусетс. Ему было 77 лет. Писатель умер за своим рабочим столом 18 января, однако об этом стало известно позднее; причиной смерти назван сердечный приступ.

Паркер написал более 60 книг, однако наибольшую известность ему принес цикл о частном детективе Спенсере, в который входят около 40 романов. Сыщик, чье имя ни разу не было названо, похож на классических персонажей Дэшила Хэммета и Реймонда Чандлера. В 1980-х романы о нем были экранизированы в виде сериала «Спенсер: Работа по найму» («Spenser: For Hire»).

Среди других известных героев Паркера — спивающийся бывший бейсболист Джесси Стоун, ставший начальником полиции в маленьком городке. Последний роман о Стоуне выйдет в феврале нынешнего года.

Сергей Шулаков

Как Александр Македонский

Детектив Сергея Сергеева со свежайшим названием «Заговор» может считаться заявкой на масштабный политический триллер. Подробное описание «Организации Гелена», генерала, не служившего в СС, занимавшегося разведкой в гитлеровском генеральном штабе, агентуру которого американцы после войны использовали для создания спецслужб ФРГ, готовит читателя к эпопее. Сцена вербовки немецкого офицера-разведчика смершевцами, полная психологизма и профессиональных деталей — к тому же. Некоторое подозрение вызывает то обстоятельство, что информацию, изложенную в этих главах, любители жанра встречали в романах Юлиана Семенова и других произведений, присутствует даже Армянское кладбище Тегерана. Подозрения оправдываются: службу на две разведки — германскую и советскую, а позже российскую офицер «Организации Гелена» по наследству передает своему сыну. А тот передает информацию о злодеях из Аль-Кайеды одновременно в оба «центра», впрочем, испрашивая разрешение на это у «центра» российского, а значит, супершпион и журналист Питер Штайнер — агент более СВР, чем БНД. Сцены добывания информации переме-

Сергеев С. **Заговор.** М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2009. — 316 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-403-01605-6

жаются с описаниями действий самих злодеев в лице разочарованного в буржуазных ценностях француза, а также разборками генерала Мушаррафа и Беназир Бхутто, политиков, еще недавно игравших важную роль в Пакистане, и шараканий американцев, ставящих то на одного, то на другую. Отчетливо и многословно выписана любовная линия — пожилой Штайнер встретил, наконец, женщину, о которой мечтал, немку по имени Валерия. Есть и стихи, например такие: *«Я прожил жизнь, не начиная, / И падал, чтоб подняться вновь, / И снова падал, задыхаясь, / Хрипя от боли, в темень, в ночь...»*, и такие: *«Я дерзкою рукой твою погладил прядь»*. Что для полити-

ческого детектива в триста с небольшим страниц представляется перебором. Кульминация романа — гибель Беназир Бхутто, после которой герой с чувством исполненного долга направляется на отдых в Тегеран. И уж совсем непонятно, при чем здесь эпиграф, вынесенный на первую обложку, — знаменитые слова В.В. Путина о том, где, поймав, следует мочить террористов.

На язык в таких произведениях внимания обращать не принято, но все же считается, что разведчики — интеллектуалы и не говорят

«...над Шпреей» (название этой реки не склоняется), всерьез не называют свое занятие *«этим промыслом»* (значение слова «промысел» обычно иронически-негативное).

С черноватым юмором Сергей Сергеев описывает скандал с содержательницей борделя, обслуживавшего высших федеральных чиновников, — журналисты называли ее *«вашигтонской мамкой»*. Заместитель государственного секретаря переживает: *«Неужели эта идиотка не шутит! Почему ее не остановят? Она забро-*

сает грязью весь Вашингтон». И совсем без юмора актуальные *«...проекты, которые рассматриваются в Белом доме. Провинции Белуджистан, Пенджаб и Синд превратить в независимые государства. Заодно разрезать на несколько частей Иран. Территорию, населенную азербайджанцами отдать Баку — пусть появится «великий Азербайджан». Баку, правда, эта идея пугает — бояться раствориться среди пришельцев. Сформировать независимый Курдистан под нашим контролем... Перекрыть всю карту. Как Александр Македонский!»*.

Беназир Бхутто

Девушка обретает лицо

Скандинавы вновь опередили всех. Пока в Голливуде планируют экранизацию «Девушки с татуировкой дракона» Стига Ларссона, пытаюсь уговорить на главную роль эксцентричной анорексички-хакера Анджелину Джоли, шведы сняли собственный фильм. «Van som hatar kvinnor» выходит в прокат 12 марта. Режиссер картины — Нильс Арден Оплев, в главных ролях — Нооми Рапас и Михаэль Нюквист.

А вот вам шиш!

Новый роман Майкла Коннелли, лауреата множества наград, среди которых «Edgar», «Anthony», премия Ниро Вульфа, «Macavity», «Dilys», японский «Мальтийский сокол», французский «38-й калибр» и Гран-при французского детектива, вопреки обещаниям, не выйдет в этом году. Книга должна была стать третьей из серии о детективе Микки Холлере, но автор пропустил все сроки сдачи текста в издательство, и вместо романа читатели получили лишь синопсис, который писатель опубликовал на своем сайте в утешение фэнам.

Подготовил Даниил Мартин

фрагмент

«Мир множества миров»

Представьте себе огромную толпу пьяных людей, которые начинают расхаживать с вершины холма. Каждый выпивоха представляет отдаленный регион Вселенной, так что все они движутся независимо. Если плоская часть холма имеет протяженность N шагов, то средний джентльмен пересечет ее, сделав N^2 шагов. Примерно половина сделает это быстрее, а другая половина — медленнее. Например, если дистанция составляет 10 шагов, то в среднем потребуется 100 случайных шагов, чтобы ее преодолеть. Так что после 100 шагов примерно половина толпы достигнет своей конечной точки у подножия холма, а половина все еще будет наслаждаться прогулкой. Еще через 100 шагов число гуляющих вновь удвоится, и так далее, пока последний из друзей не сверзится наконец вниз.

Но теперь заметим, что между пьяницами и расширяющимися областями пространства, которые они символизируют, есть важнейшее различие. Пока наш джентльмен шатается у вершины холма, соответствующая область пространства подвергается экспоненциальному инфляционному расширению. Поэтому число независимо развивающихся областей быстро увеличивается, как если бы наши пьяные джентльмены быстро размножались. По мере того как я размышлял об этом, картина постепенно обретала форму.

Вечная инфляция

Инфляция в известном смысле похожа на размножение бактерий. Есть два конкурирующих процесса: воспроизведение бактерий в результате деления и их эпизодическое уничтожение антителами. Исход зависит от того, какой процесс окажется эффективнее. Если бактерии уничтожаются быстрее, чем размножаются, все они скоро умрут. Напротив, если размножение идет быстрее, бактерии быстро размножатся.

В случае инфляции два конкурирующих процесса — это распад ложного вакуума и его «воспроизведение» в результате расширения инфлирующих областей. Эффективность распада можно охарактеризовать периодом полураспада — временем, в течение которого распадается половина ложного вакуума, если бы он не расширялся. (В нашей аналогии со случайным блужданием это время, за которое число гуляющих сокращается вдвое.) С другой стороны, эффективность воспроизведения задается временем удвоения, за которое объем расширяющегося ложного вакуума увеличивается в два раза. Объем ложного вакуума будет сокращаться, если период полураспада короче времени удвоения, и расти — в противном случае.

Однако из обсуждения в предыдущих главах ясно, что период полураспада велик по сравнению с временем удвоения. Причина этого в том, что в моделях инфляции энергетический холм весьма пологий, и нужно много шагов, чтобы его пересечь. Поскольку каждый шаг случайного блуждания соответствует одному периоду удвоения в ходе инфляции, период полураспада должен быть много больше времени удвоения. Отсюда вытекает, что области ложного вакуума размножаются намного быстрее, чем распадаются. А значит, во Вселенной в целом инфляция никогда не заканчивается, и рост объема инфлирующих областей продолжается беспрестанно!

В этот самый момент какие-то отдаленные части Вселенной заполнены ложным вакуумом и испытывают экспоненциальное инфляционное расширение. Но вместе с тем постоянно возникают области, подобные нашей, где инфляция закончилась. Они образуют «островные вселенные» в море инфляции. Из-за инфляции пространство между этими островами быстро расширяется, создавая место для рождения все новых островных вселенных. Таким образом, инфляция — это процесс, идущий вразнос, который остановился в наших окрестностях, но продолжается в других частях Вселенной, заставляя ее расширяться в бешеном темпе,

В издательстве «Corpus» готовится к выходу научно-популярный бестселлер физика Алекса Виленкина. Профессор университета Тафтс просто и понятно рассказывает о последних научных достижениях в сфере космологии и знакомит со своей собственной теорией, согласно которой, наш мир — далеко не единственный из возможных, а лишь один из бесчисленного множества параллельных вселенных...

постоянно выметывая новые островные вселенные, подобные нашей.

Энергия распада ложного вакуума зажигает горячий огненный шар из элементарных частиц, запускает процесс образования гелия и все последующие события стандартной космологии Большого взрыва. Таким образом, момент окончания инфляции играет в этом сценарии роль Большого взрыва. Если их отождествить, то нам уже не надо считать Большой взрыв одномоментным событием в нашем прошлом. Множество таких взрывов отгремело до него в отдаленных частях Вселенной, и бессчетное число других еще произойдет повсюду в будущем.

Едва в голове у меня сложилась эта новая картина мира, я уже изнемогал от желания поделиться ею с другими космологами. И кто бы мог лучше подойти на роль моего первого конфидента, чем сам мистер Инфляция — Алан Гут, чей офис в МТИ (Массачусетский технологический институт) был всего в двадцати минутах езды от Тафтса? Так что я просто сел в машину и поехал в знаменитый институт на встречу с Аланом.

МТИ занимает громадный комплекс сооружений, где я не раз безнадежно терялся. Можно идти по коридору третьего этажа корпуса шесть и вдруг обнаружить, что уже находишься на четвертом этаже корпуса шестнадцатого. Я решил не рисковать и выбрал простейший, хотя и самый длинный путь к цели — через главный вход (выделяющийся рядом коринфских колонн и увенчанный сверху зеленым куполом). Пройдя весь Бесконечный Коридор и поднявшись на несколько лестничных пролетов, я в итоге достиг офиса Гута.

Я рассказал Алану о случайном блуждании скалярного поля и о том, как описать его математически. И тут, в самой середине описания моей новой поразительной картины мира, я заметил, что Алан стал засыпать. Много лет спустя, узнав его получше, я понял, что он вообще очень сонлив. Мы организовали совместный семинар для космологов Бостона и окрестностей, и на каждом заседании Алан мирно засыпал спустя несколько минут после начала доклада. Удивительным образом, когда выступление заканчивалось, он просыпался и задавал самые глубокие вопросы. Алан отрицал наличие у него каких бы то ни было сверхъестественных способностей, но не все в это верили.

Оглядываясь назад, я понимаю, что должен был продолжать, но в то время, не зная о волшебной способности Алана, я быстро закрутился. Другие коллеги в своих отрывах тоже не проявляли энтузиазма. Физика — это наблюдательная наука, говорили они, так

что мы должны воздерживаться от утверждений, которые не допускают проверки. Невозможно наблюдать ни другие большие взрывы, ни отдаленные области, где продолжается инфляция. Все они лежат за нашим горизонтом, и как нам убедиться в их реальном существовании? Я был сильно разочарован таким холодным приемом и решил включить эту работу в качестве раздела в статью по другой теме, посчитав, что она не заслуживает отдельной самостоятельной публикации.

Для объяснения идеи вечной инфляции в этой статье я использовал аналогию прогулки пьяницы у вершины холма. Пару месяцев спустя мне пришло письмо от редактора, в котором говорилось, что статья принята, за исключением того, что обсуждение пьяниц «неприемлемо для такого солидного журнала, как *"The Physical Review"*», и я должен заменить его более подходящей аналогией. Я слышал, что подобный инцидент произошел ранее с Сиднеем Коулманом. В его статье была диаграмма, которая выглядела как кружок с волнистым хвостиком. Коулман называл ее «*диаграммой-голоастиком*». Как вы уже поняли, редактор счел и этот термин неприемлемым. «*O'кей*», — ответил Коулман, — *давайте назовем ее диаграммой-сперматозоидом*. В итоге без дальнейших комментариев была принята исходная версия статьи. Я прикинул возможность применить тактику Коулмана, но в итоге отказался от нее — не хотелось ввязываться в драку.

Я не возвращался к теории вечной инфляции почти десять лет. Если не считать одного эпизода...

Мгновение вечности

Я переключился на работу, связанную с другими моими научными интересами, и постепенно мне самому стало казаться странным, что я был так одержим ненаблюдаемыми мирами. Но, по правде сказать, соблазн бросить взгляд за горизонт Вселенной никуда не девался. В 1986 году, не в силах ему больше противиться, мы с моим аспирантом Мукундой Арьялом (Mukunda Agyal) разработали компьютерную модель вечной инфляционной Вселенной.

Мне трудно даются технологии, и я в жизни не написал ни единой строчки программного кода. Но я очень хорошо понимаю, как «думают» компьютеры, и руководил несколькими крупными вычислительными проектами моих аспирантов. Поскольку я не мог проверять их код (а даже если б мог, не думаю, что это доставляло мне хоть какое-то удовольствие),

я всегда опасался скрытых ошибок и относился к получаемым результатам с большой осторожностью. Поэтому я заставил Мукунду выполнить множество проверок, запуская моделирование для тривиальных случаев, где мы знали ответ заранее. Наконец, убедившись, что все работает отлично, мы приступили к настоящей работе.

Моделирование началось с маленького участка ложного вакуума, представленного светлым прямоугольником на экране компьютера. Спустя некоторое время стали появляться первые темные островки истинного вакуума. По мере того как границы этих островных вселенных продвигались в море инфляции, они быстро росли в размерах. Однако инфлирующая область расширялась еще быстрее, так что интервалы, разделяющие островные вселенные, увеличивались, а во вновь образованном пространстве возникали новые островные вселенные.

На картине, открывшейся после некоторого времени моделирования, были видны крупные островные вселенные, окруженные меньшими, вокруг которых располагались еще меньшие, и так далее. Это напоминало вид архипелага с самолета — узор, который математики называют фрактальным.

Мы с Мукундой опубликовали результаты моделирования в европейском журнале «*Physics Letters*». Мое любопытство в отношении ненаблюдаемых вселенных теперь было удовлетворено, и я переключился на другие работы. А данным вопросом тем временем вплотную занялся Андрей Линде.

Хаотическая инфляция
Линде

Линде — настоящий герой инфляции, человек, который спас теорию посредством изобретения приплюснутого энергетического холма для скалярного поля. С 1983 года он работал над идеей о том, что Вселенная начинается из состояния первичного хаоса. Скалярное поле в этом состоянии беспорядочно меняется от точки к точке. В некоторых областях оно оказывается на вершине энергетического холма, и в таких местах происходит инфляция.

Линде понял, что полю не обязательно стартовать в верхней точке энергетического ландшафта. Оно может начинать скатываться вниз и с какой-то другой точки на склоне. Фактически энергетический холм может и не иметь верхней точки, вздымаясь вверх без ограничений. У такого лишнего вершины — так сказать, топless — холма есть дно — истинный вакуум, но нет определенного места для ложного вакуума. Его роль может играть любая точка на склоне, куда поле попало в исходном хаотическом состоянии, лишь бы это было достаточно высоко, чтобы обеспечить необходимое для инфляции время скачивания. Линде описал эти идеи в статье, озаглавленной «Хаотическая инфляция».

Еще через несколько лет Линде изучил влияние квантовых флуктуаций на скалярное поле в данном сценарии. Неожиданно оказалось, что они тоже могут приводить к вечной инфляции, несмотря даже на то, что у энергетического холма нет плоской вершины.

Ключевое наблюдение Линде заключалось в том, что на больших высотах квантовые флуктуации становятся сильнее и могут толкать поле вверх против сил, тянущих его вниз по склону. Так что, если поле стартует высоко, оно не обращает большого внимания на склон и совершает случайное блуждание, как если бы находилось на вершине холма. Когда блуждания заносят его в низины энергетического ландшафта, где квантовые флуктуации слабее, поле начинает упорядоченно катиться вниз к состоянию истинного вакуума. Чтобы это случилось, требуется намного больше времени, чем на инфляционное удвоение, так что расширяющиеся области размножаются быстрее, чем распадаются, что опять же приводит к вечной инфляции.

Перевод с английского
Александра Сергеева.

дискуссии

Тренды в литературе

«КО» продолжает цикл публикаций, проекта «Траектория чтения: контексты современной русской литературы», который осуществляется Центром новейшей русской литературы ИФИ РГГУ и Издательской группой «АСТ». Тема сегодняшней беседы — «Тренды в литературе: написать сегодня то, что будут читать завтра».

Дмитрий Бак: Добрый день, уважаемые коллеги. Сегодня шестое мероприятие проекта «Траектория чтения». Вести разговор будет Михаил Эдельштейн — литературный критик, который, кроме того, в последние годы возглавляет редакцию издательства «Российская энциклопедия». В разговоре принимает участие Дмитрий Быков — поэт, прозаик, переводчик, автор биографической прозы, теле- и радиожурналист, он возглавляет несколько СМИ. И, наконец, еще один участник разговора — Александр Гаррос — известный прозаик, журналист, а в данном случае он представляет еще и журнал «Эксперт». Кроме того, оба главных наших гостя — лауреаты многих премий.

Мы собрались, чтобы поговорить о трендах. Нынешнее литературное поле устроено так, что постоянно возникают разговоры, что сейчас актуально. Не «как написать правильно или хорошо?», а «про что написать, чтобы это было читаемо, обсуждаемо, продаваемо?». Самый острый вопрос, на мой взгляд, именно в этом: что на вершине литературной пирамиды — то, что написано правильно, качественно и хорошо, или то, что написано про правильные вещи, в правильном жанре или в правильной идеологической тенденции?

На этом я передаю микрофон Михаилу Эдельштейну.

Михаил Эдельштейн: Мне кажется, что в сегодняшней теме заключены две подтемы: можно ли сегодня предугадать то, что будут читать завтра, и нужно ли пытаться предугадывать? У Евгения Шкловского была любимая притча про сороконожку, которая чудесно бегала, пока не задумалась, как должна двигаться ее 38-я нога, когда 2-я нога движется определенным образом. Как только она об этом задумалась, она немедленно упала, и с тех пор уже ходить не могла. Шкловский применял эту притчу к писателям. Мне кажется, что в сегодняшней теме такая же опасность заключена. И я бы хотел спросить уважаемых спикеров, не опасно ли писателю задумываться о своей аудитории, в том числе об аудитории завтрашней? Мол, а попаду-ка я в тренд!

Александр Гаррос: Я хочу сказать, что я, будучи отчасти литературным критиком, искренне ненавижу три слова: тренд, бренд и проект. При том, что все, что собирается писать, сегодня знает, что нужно придумать проект, для того чтобы появился бренд, который попадет в тренд. Но даже если бы я был просто писателем, я не мог бы не думать о том, какие сей-

час тренды и бренды, и как бы мне сделать такой проект, чтобы попасть и туда, и туда. К сожалению, сейчас это неизбежно: мы существуем в настолько плотном информационном пространстве, что пишущий человек не может делать вид, будто он всего этого не слышит и не знает. Когда кто-то из моих коллег говорит, что он этого не знает и существует в своей башне из искусственной слоновой кости, это, скажем так, не вполне оправданно. Но при этом я абсолютно уверен, что мы можем сколько угодно думать про тренды, про то, как попасть в аудиторию, но все это не сработает, если тебе нечего сказать. Можно взять любой самый попсовый проект, например, Джоан Ролинг с «Гарри Поттером». Любой издатель сегодня скажет, что он хочет сделать русского «Гарри Поттера», потому что это такой удачный проект. Но Ролинг изначально, может быть, и не думала о своих книгах как о проекте.

Дмитрий Быков: Дело в том, что в моей личной практике я, конечно, не следую этим принципам, но один важный тренд, мне кажется, наметился, и я хотел бы его порекомендовать всем, кто еще не знает, как писать свой первый роман. Сегодня я опрашивал детей в школе, где преподаю, с каким чувством они прочитали нового Пелевина. И один неглупый малый сформулировал очень точно: ранний Пелевин — это котлета, зрелый — это компот, а поздний — это салат. Имеется в виду, что связь между изображаемыми объектами, а также стилистическое единство текста становятся все менее ощутимыми и все более иллюзорными. Мы отчетливо сдвигаемся к коллажному письму. Это тот прием, который использовал Дос Пассос в своей трилогии «США»: не связывать, а коллажировать какие-то вещи. Новый роман Пелевина — это именно коллаж, мозаика из абсолютно разнородных, ничем не связанных кусков. Мы живем сегодня в мире, элементы которого столь самостоятельны, что увязать их в какое-то стилистическое единство может только очень мощное мировоззрение типа толстовского. Я такого сейчас не наблюдаю. Поэтому роман сегодня путешествует между пейзажем, никак не связанным с остальными элементами повествования, диалогом, боевой вставкой... Грубо говоря, мы переходим к жанру салата. Вот это, мне кажется, главный тренд, и он же бренд: жанр коллажа или мозаики станет сегодня наиболее усвояемым для раздер-

ганного читательского сознания. Следующий свой роман я все равно пишу в своей привычной технике, безо всякого учета того, что я вам только что сказал, как Горький писал «Жизнь Климата Самгина» безо всякого учета соцреализма. Но теоретически успешной, на мой взгляд, может быть только книга, которая построена по коллажному принципу: кусок газеты, кусок сюжета, кусок пейзажа, кусок философского отступления, потому что генеральной интенции, которая бы это все связала воедино, нет ни в реальности, ни в литературе.

М.Э.: У наших коллег-критиков часто встречается в статьях и рецензиях словосочетание «клиповое мышление». И словосочетание это имеет негативные коннотации. Значит ли это, что критический аппарат устарел и не улавливает тренды, или критики, напротив, выталкивают писателей на верную дорогу?

Елена Шубина: На мой взгляд, то, о чем говорил Быков, — это констатация того, что происходит в их писательском сознании. И это совсем не значит, что все хотят читать коллаж. Это просто регистрация вашего писательского состояния. Очень точное замечание, что, когда нет единого мощного мировоззрения, не выстраивается мощный роман, но в клиповом или коллажном мышлении мы бултыхаемся уже много лет. Мы, издатели, мечтаем о полноценном хорошем романе, а не о том, где будет отдельно пейзаж, отдельно диалог, отдельно еще что-то. Это даже беда, что коллажное мышление порождает мышление читателей...

Д. Быков: Мечтать можно сколько угодно, но вы все равно не получите такого романа, потому что, как блестяще сказал Мандельштам, «для романа нужны десятины Толстого или каторга Достоевского». Для романа нужно мировоззрение, которое формируется, хотим мы того или нет, в некотором плавильном котле, в отсутствие этого котла мы обречены на коллаж. Для того, чтобы появился автор с целостным мировоззрением, обществу нужно определить, где у него верх, где низ, где лево, где право, где добро, где зло. Поскольку оно этого сейчас определить не в состоянии, Вам как издателю, читателю и редактору придется иметь дело с той окрошкой, которую небезуспешно предложил в последнем романе Пелевин, и я считаю, что его роман очень перспективен, хотя и не очень читабелен.

А.Г.: Дима, извини, я с тобой немножко поспорю.

Ты правильно говоришь, что это констатация того сознания, которое кто-то называет клиповым, наш общий знакомый Алексей Иванов называет пиксельным, кто-то называет дискретным. Современный человек, в силу того количества информационных входов и выходов, с которыми он взаимодействует, не может обладать никаким другим сознанием: он должен постоянно переключаться, и все для него должно быть коротеньким, как мысль Буратино, легеньким, понятным. Все это так, но если мы исходим из того, что у человека есть потребности другого порядка, как у героя Пелевина графа Т, если у него есть потребности в получении целостной картины и ощущении верха и низа, то писатель — это одна из тех инстанций, которая, совершенно не будучи вышестоящей по отношению к аудитории, она все равно должна работать над созданием этой целостной картины и давать пиксельному раздрганному человеку пусть не глобальную картинку, но хотя бы локальную. Десять таких картинок — уже что-то.

Д. Бак: Во-первых, я тоже хотел бы поспорить с Димой. Коллаж ведь складывается не из того, что все заведомо фрагментарно, а из того, что эта фрагментарность состоит из вещей длинных, осмысленных, и рядом находящихся отрывочных. То есть одно другого не исключает. Эта пестрота как раз потому и возникает, что есть абсолютно все, в том числе и традиционное. Другое дело, что по нашим снобистским вкусам это бывает очень низким. Второе: сколько раз уже хоронили крупный роман. Мандельштам: «Люди выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз». Не краткость времени главный признак нынешнего состояния умов, а принцип компьютерной программы. Компьютерная программа тягивает в себя целый ряд наших действий, а мы хотим простым нажатием кнопки вживить и длинное, и пространное. Нажать кнопку — и «Война и мир» у меня есть. Это иное соотношение человека и постигаемого смысла. И это уже шаг к какой-то иной стилистике. И последнее: любая эпоха ищет фундаментально-эпического произведения. Что, новый эпос — это кусок из географической карты, документа и сюжета? Думаю, нет. Это ведь уже у Монтеня было в XVI веке.

М.Э.: Параллель с Монтенем хороша, но мне кажется, что речь идет не о последовательной смене линейного письма фрагментарным, а о циклическом чередовании,

которое наблюдается в истории литературы. После классического романа Толстого и Достоевского пришел Розанов, оказавший колоссальное влияние на всю русскую литературу XX века. Но, поскольку мы говорим о завтрашних читателях, давайте обратимся к залу. Правда ли, что время настолько уплотнилось, что только коллажное, клиповое письмо может попасть в нерв времени? Или линейный роман с психологией героев, с последовательным развитием сюжета будет востребован и завтра?

Вопрос из зала: А можно встречный вопрос: что вы подразумеваете под клиповостью? Это когда пишут отдельными, не связанными кусками или когда что-то выпадает из смысла?

Д. Быков: Ваш вопрос не подразумевает дихотомии. Я имел в виду мовизм, грубо говоря. То есть ту катаевскую ситуацию, когда фрагменты нелинейного повествования могут улететь куда угодно, выпасть из традиционного нарратива и зацепить другую ситуацию. Есть такая фраза Веллера: «Три цитаты из трех разных текстов всегда образуют новый смысл». Я считаю, что мы подошли к нелинейному повествованию вплотную. К тому состоянию, когда нужно разбивать текст элементами чего-то второго и третьего, чтобы придать ему перспективу. Происходит это от отсутствия единой точки зрения, которая могла бы все изменить. Не знаю, рад ли я этому. В каком-то смысле рад, потому что с единой точки зрения написать сегодня роман уже нельзя. Чем больше внутри романа будет этих точек зрения и этих фрагментов, тем лучше. Удивительно же у Катаева, когда у него в самый важный, самый критический момент «Алмазное моего венца», когда он вспоминает о гибели ближайших друзей, вдруг появляется фраза: «15:00. На "Маяке" легкая музыка». Это очень важный момент. Мне кажется, мы приближаемся к этому, и если бы мы приблизились, было бы хорошо.

А.Г.: Я бы взял на себя смелость уточнить, что приведенный тобой пример — это пример традиционного использования литературной техники, и ничего здесь особо клипового нет. Если мы говорим о клиповости, мы скорее имеем в виду то, что работает в производстве рекламы: ни один сюжет не может удерживать внимание дольше определенного времени.

Д. Бак: А то, о чем говорил Быков, — это просто монтаж.

А.Г.: Да, монтажная техника, примеры которой можно найти, думаю, и в средневеко-

вой литературе. А сейчас мы имеем дело с тем, что человек отказывается взаимодействовать с какой-то одной историей дольше определенного отрезка времени. Он просто привык к тому, что они быстро сменяются на радио, телевидении, в Интернете. Поэтому литература вынуждена отчасти подстраиваться под такую технику и такой темп восприятия. Роман требует от читателя, чтобы он в период его чтения удерживал его в голове полностью, а это многим не под силу. Впрочем, и раньше многие не справлялись, так что ничего космически нового в этом нет.

М.Э.: Значит, писатель и издатель так или иначе вынуждены подстраиваться под тренды. Так где начинается эта вынужденность: в голове писателя, в требовании издателя к писателю? Что такое тренд — это понятие писательское, издательское, критическое? Кто его задает? Или это такой Zeitgeist — дух времени, который действует на всех в одинаковой мере?

Е.Ш.: Если говорить об издательских делах как о неком бизнесе, то все тренды и проекты выстраиваются по простому принципу. Увидев, что какая-то книга вызывает интерес, вокруг нее пытаются собрать некий пул писателей. Условно, за Глуховским в той же серии и сходном оформлении выпустили «Хлорофиллю» Рубанова. Или выстраивают линейку из женского романа. Возвращаясь к бизнесу, повторю то, о чем уже говорила: сегодня есть большая потребность в семейном романе, романе воспитания. Этого просто нет сейчас. Пример тому — совершенно бесхитростный роман Ксении Велембовской, который долгое время держался в рейтингах продаж крупных магазинов. Это история семьи, начиная с послереволюционных лет. Это та лакуна, которая сейчас совершенно не заполнена. И, возвращаясь к началу нашей беседы: клиповость, фрагментарность не столь важны, главное, должна быть рассказана полновесная история. Литература — это умение рассказать историю, а какими средствами это будет выражено — это уже дело техники. Другое дело, что под разорванной манерой легче скрыть элементарную графоманию. А вообще переключения смыслов были во всей классической литературе, главное, чтобы это было сделано хорошо. Но роман — это обязательно характер, герой. Без него роман невозможен. И метафизика сегодняшнего времени. Клиповая она или нет, но ее нужно чувствовать.

Д. Бак: А почему тогда

Дискуссии

На фото (слева направо): Дмитрий Бак, Александр Гаррос, Михаил Эдельштейн, Дмитрий Быков

Токарева или Алешковский не в топах?

Е. Ш.: У Токаревой свой топ есть, но вообще нужны другие токаревы!

Владимир Губайловский: Я расскажу историю, которую мне когда-то рассказала Ирина Бенционовна Роднянская. Где-то в конце 50-х годов она работала библиотекарем на Новокузнецком металлургическом заводе. И там читатели хотели длинный роман про любовь. Больше их ничего не интересовало. Надо длинно про любовь. И вы знаете, у меня ощущение, что с тех пор ничего не изменилось. И длинный роман про любовь остается тем самым трендом, о котором сегодня говорят наши авторы.

Д. Быков: Владимир говорит о том механизме, который у Георгия Иванова назван «умиротворяющей лаской банальности». Всегда приятно почитать: «Ах, — воскликнула графиня, и прижав к груди дочь свою, омочила ее слезами». Плохая литература приятна для чтения. Почему ее приятно читать? Во-первых, из-за восторга предсказания всех рифм и всех сюжетных совпадений и осознания себя ужасно умным. Во-вторых, тут есть момент наложения этой ситуации на родные и глубокие архетипы. Мне, мол, человеку тонкой души, неприятно читать, как люди страдают, мне приятней читать, как страдают манекены. Я с большим удовольствием читаю паралитературу или ту же беллетристику, но не думаю, что она что-то дает моей душе, поэтому «длинный роман про любовь» я готов прочитать в ситуации тяжелого похмелья или другого морального страдания. Но представить себе, что он что-то даст моей душе

и будет для меня чем-то значимым: боюсь, что это проходит по разряду жвачки, которая бывает вкусна, но не бывает питательна.

А.Г.: Я думаю, что длинный роман про любовь всегда будет популярен, другое дело, что «длинный» теперь значит страниц триста, а раньше значило три тысячи. И это стоит помнить тем, кто хочет написать длинный роман про любовь, потому что три тысячи страниц никто читать не будет. А вообще «роман про любовь» — это не качественное определение. Романы про любовь бывают иногда очень хороши. И ни один литературный текст не бывает «про что-то». Если можно сказать, что эта книга про любовь или про то, как бьют друг друга по морде, то это плохая книга. Это просто жанровая рамка, и в таком случае можно сказать, что горячо мною любимый роман Быкова «Орфография» (большой, кстати) — тоже про любовь. Там есть любовная линия, но кроме этого там есть еще много всего. А возвращаясь к клипам, я хотел бы сказать, что совсем не считаю, что все должно быть раздерганным. Наоборот: человеческое сознание не выносит раздерганности, и если в концентрированном виде представит раздерганность, это все равно, что симитировать в рамках одного романа канал MTV. Может быть, это будет любопытный эксперимент, который прочитают критики, а возможно, даже читатели, но только один раз. Потому что человеку нужна цельность, другое дело, что цельность эта должна быть легкой и короткой. Я имею в виду массового читателя, потому что есть огромная разница между чтением людей, которые много читают и много думают, и чте-

нием человека, который читает раз в году, поехав в отпуск. Легкая цельность — универсальный тренд, а все остальное уже зависит от жанра.

М.Э.: Поскольку мы оказались в замкнутом круге нескольких базовых понятий, я надеюсь, что Евгения Вежлян, которая просит слова, нас из него выведет.

Евгения Вежлян: Разговор о трендах предполагает некоторую социологическую составляющую. И фразу, которая здесь звучала: «длинный роман про любовь» — надо закавычить, потому что это не термин, а некоторое читательское именование. Оно поясняет нам устройство головы какой-то части нашей потенциальной аудитории. Соответственно, каждый раз, когда мы говорим о тренде, мы должны поставить вопрос: «Для кого?». В развернувшейся дискуссии я вижу одну небольшую подмену: мы говорим тренд вообще, не уточняя, для кого он. Мы подменяем аудиторию собой. Читающее сообщество, интеллектуалы нуждаются в некоторых трендах. Но они нуждаются в трендах одного, а массовый читатель — несколько иного характера. И мне кажется, это стоит отразить. Что по этому поводу думают уважаемые коллеги?

М.Э.: Спасибо, Евгения, очень хорошее замечание. Действительно, всегда очень забавна ситуация, когда собираются литературные люди — издатели, критики — и обсуждают, что же нужно читателю. Напоминает собрания политологов, обсуждающих, какова жизнь за пределами МКАД. Писатель не вполне представляет себе, кто такой массовый читатель. Во всем этом есть такой элемент гадания.

По этому поводу хочет высказаться Михаил Визель.

Михаил Визель: Почему-то никто из моих коллег и друзей не упомянул вот о чем: мне кажется, что жанр семейного романа подвергается самой большой конкуренции со стороны других медиа, прежде всего телевидения. Это раз. Во-вторых, мы почему-то не говорим о том, что мы живем в ситуации сродни первым годам шестнадцатого века, когда появился печатный станок Гутенберга и никто еще толком не осознал, что он принес. Мы здесь сидим не больше часа, и все то и дело прижимают к уху сотовый телефон. Когда распространяются электронные читалки, это перевернет ситуацию с чтением ничуть не меньше, чем гутенберговский станок. И третье — то, что касается клипового мышления и монтажа. Если я правильно понимаю, то клип отличается от монтажа тем, что в монтаже, как правило, есть последовательность, общий план, средний план, крупный план. В клипе же принципиально две склейки абсолютно разные. В этом принципиальное отличие клипового мышления и клипового повествования от монтажа.

Д. Бак: Я хотел бы вернуться к тому вопросу, который поставил Михаил Эдельштейн: кто заставляет? Один студент из первых наборов спросил Галину Андреевну Белую: «Почему РАП-Повские критики так писали: их что, заставляли?». Почему нужно писать так, как устроено современное сознание? Ведь есть другой принцип — контраста. Вот об этом Елена Даниловна говорила: если вокруг все клипово и разорвано, то почему бы мне не искать в литературе прямо

противоположного? И второй тезис: давайте перечеркнем слово «клип» как жанр и забудем его. Потому что клип — это вещь прямо противоположная тому, что мы о нем говорим. Что такое клип? Это одна мелодия, под которую девушка поет то лежа в ванне, то скача на коне, то стоя на сцене... Но это одна мелодия. То есть клип в себе содержит как раз попытку преодолеть это разнообразие. У меня была обратная идея: чтобы одна девушка пела разные мелодии. Стоит в балльном платье и поет то «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...», то «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Вот это был бы тот клип, о котором мы все говорим, а так клип как жанр — совсем другое явление, чем то, о котором мы рассуждаем. Это попытка соединить мир, и, может быть, это и надо массовому и немассовому читателю.

М.Э.: Давайте конкретизируем наш разговор. Читая русские романы, вышедшие за последние полтора года и вошедшие во всеяческие шорт-листы, я обнаружил, что умногих из них есть общая тема: тема истории в самом широком смысле. Скажем, три произведения, вошедшие одновременно в короткие списки «Большой книги» и «Русского Букера»: «Журавли и карлики» Леонида Юзефовича, «Каменный мост» Александра Терехова и «Вчерашняя вечность» Бориса Хазанова. Но они объединены не просто историей, а темой истории как чего-то фантомного, чего-то неуловимого, темой самозванчества. Если кто-то читал эти романы, он понимает, о чем я говорю, для остальных поясню. У Бориса Хазанова история превращается в коллаж, отчасти похожий на

то, что мы когда-то видели в фильме «Покаяние». В разгар чисток 37-го года появляется кортеж императора Николая или римские всадники, то есть история теряет четкость своих очертаний. У Юзефовича вся история оказывается историей подмен и самозванчества, то есть здесь опять переход от истории как чего-то четкого, квалифицированного, научного в кипучее состояние. И в огромном романе Терехова оказывается, что никакой истории нет, она утекает между пальцами, она совсем не похожа на ту модель, которую рисует в своей голове герой. Вопрос: отчего возникает такая тенденция? Отчего такая неуверенность?

А.Г.: На самом деле мы сейчас в очередной раз незаметно совершаем небольшую подмену. У Юзефовича отличный роман, я считаю, что это лучшее, что появилось в российской прозе за последний год, Терехова я уважаю, но он мне совершенно не нравится, Хазанова я не читал, но обратите внимание на выходные данные всех этих книг: ни одна из них не является бестселлером, произведением, которое масштабно продается. То есть если мы говорим о тренде как о чем-то массовом, о том, что владеет умами миллионов, то это сюда не относится. А если мы говорим об определенной тенденции, которая владеет умами определенной категории интеллектуалов, привыкших думать больше, чем средний человек, то может быть. Тогда мне кажется, что такая тема есть, потому что у всех нас проблема с национальной, социальной или иной самоидентификацией, и попытка сделать какой-то коллаж делается на разных уровнях: писателями, политиками и т.д. Вот давайте мы из царской России, из Советского Союза соберем что-то хорошее и построим великую Россию, которая была бы всегда, и ничего бы с ней не происходило. Но в принципе ощущение вот этой зыбкости прошлого присутствует, и литература, четко это ощущающая, пытается что-то из этого собрать или хотя бы передать ощущение необходимости собирания.

М.Э.: Здесь присутствует человек, ответственный отчасти за появление той тенденции, о которой сейчас говорил Александр Гаррос. Тенденция нового исторического романа во многом задана, на мой взгляд, романом Быкова «Орфография», который в свое время стал бестселлером. И там ведь то же самое: для того, чтобы написать исторический роман, надо внести в историю фантастическое допущение, придумать то, чего в истории не было, придумать историю за историю. Поэтому я прошу Диму рассказать, почему история как таковая не является сегодня материалом для романа, а исторический роман превращается в подвид фантастиче-

Дискуссии

ского романа.

Д. Быков: Это было верно, на мой взгляд, применительно к ситуации 2003 года, когда я писал «Орфографию». Это был роман про НТВ, про ситуацию, когда нельзя поддержать классово близких тебе людей, потому что они говорят глупости, и нельзя поддержать их оппонентов, потому что они классово чуждые и делают гадости. Эта ситуация закончилась, произошло то, что предсказал уже упомянутый Пелевин: советская вечность кончилась, и началось что-то совсем другое. Мы сегодня наконец должны себе откровенно признаться: русская история в том виде, в каком мы ее знали, завершилась. Она будет продолжаться и повторяться, но те понятия добра и зла, те классы, те нравственные принципы, которые действовали в русской истории, они сегодняшнему читателю ничего не скажут. Поэтому я заканчиваю сейчас историческую трилогию, начатую «Орфографией» и «Оправданием», там следующий роман, который называется «Остронов, или учение чародеев», посвящая не исторической, но идеологической и даже в некотором смысле не нравственной коллизии, а тому, что делать человеку, который принадлежит к определенному классу, обладает определенными навыками и рецептерами, но ни эти навыки, ни эти рецептеры ему в нынешней ситуации не нужны. Иными словами, что делать человеку, который веровал в мир пресмыкающихся. Поэтому этот роман написан о 27-м годе. В некотором смысле мы все сейчас живем в 27-м, а кому-то, может быть, кажется, что уже в 34-м годе, но это ситуация, когда сложные люди ввергнуты в простое время. Может быть, именно поэтому этот роман обладает единственным фантастическим допущением (вообще роман очень реалистический): фантастика появляется потому, что герою совершенно некуда деваться, это история масонского кружка, который реально существовал в Петрограде. Что делать герою, когда у него отняли все: жизнь, работу, возлюбленную, место, дом, мать? Что ему остается? Этот герой, который всегда старался залегитимизировать, вдруг взлетел. Но если бы он не взлетел, и не было бы этой эффектной концовки, за которой еще страниц 150, уверяю вас, что было бы все то же самое: кончилась и та история, и та парадигма, и та фантастика. Нужно начать с нуля что-то совсем другое. Сложные люди должны научиться писать простые книги.

М.В.: Дим, так что же, и «ЖД» с кольцевой дорогой тоже кончилось?

Д. Быков: Вот это очень грамотный вопрос. Если поезд очень долго бегает по кольцевой дороге, он постепенно теряет вагоны, и под

конец остается один локомотив, который сам с собой взаимодействует. Можно написать исторический роман с аллюзиями о ситуации гонимый НТВ, но о ситуации московских выборов 11 октября роман написать нельзя, можно написать сатирический рассказ. То есть русская история как материал для прозы перестала существовать, она стала существовать как материал для сериала. И в этом смысле написать исторический роман сегодня невозможно. Сегодня возможно написать экзистенциальный роман о том, что делать человеку, у которого есть руки и ноги, а ему предложено извиваться и ползать.

М.Э.: Тут надо пояснить одну вещь: Остронов — это персонаж вполне реальный, было реальное дело масонского кружка 20-х годов, опубликовано следственное дело с протоколами допросов. Вот то, о чем мы говорили: Дмитрий берет реальную ситуацию, реального персонажа и задокументированные детали, и при этом все видоизменяет, вводит всяческие допущения.

Романы, о которых мы говорили, бестселлерами не стали, но одновременное появление сразу нескольких вещей, которые отчасти об одном и том же, отмеченных критикой и вошедших во всякие премиальные шорт-листы, свидетельствует о любопытной вещи: есть запрос на осмысление истории, а истории как таковой не осталось. Нет никакой уверенности в существовании истории, по крайней мере в твердых осязаемых границах.

Д. Бак: Одна история превратилась в другую: «history» — в «story», «Geschichte» — в «Historie».

Д. Быков: Именно! Золотые слова!

М.Э.: Пора предоставить слово залу.

Д. Бак: Кирилл, что вы думаете?

Кирилл Гликман: Я хотел бы сказать по поводу семейного романа. Семейная сага опирается на исторический материал. Написать семейную сагу о том, что происходит сейчас, трудно. Потому что тот персонаж, о котором говорил Дмитрий, с руками и ногами, но вынужденный пресмыкаться, как правило, находится вне условий семьи. Это персонаж-одиночка, не предполагающий большого семейного сюжета.

И второе: Александр говорил о том, что не очень четко определено понятие тренда: это то, что пишется, чтобы быть популярным сейчас, или то, что рассчитано на перспективу. Мне кажется, что это нужно разграничить. Потому что можно попасть в тренд сегодня, но потом это будет забыто. А можно написать то, что будет читаться и завтра, и послезавтра.

М.В.: Есть бестселлер, а есть лонгселлер...

А.Г.: Каждый писатель,

даже если он в этом не признается, мечтает написать нечто такое, что и сейчас круто продается, и в веках останется.

М.Э.: Еще один вопрос к гостям: они оба — успешные журналисты. Скажите, а журналистика не противоречит задаче написать лонгселлер? Не мешает ли?

А.Г.: Где мешает-то? В отдельно взятой голове меня или Быкова? Мешает только в том смысле, что отнимает время и силы и не мешает в смысле сознания, потому что писатели всегда занимались либо журналистикой, либо чем-то похожим. Для того, чтобы что-то писать про сегодняшнюю жизнь, ты должен что-то про нее знать. Я слышал, что есть уникальные люди, которые могут творить мир исключительно из своей головы, но никогда их не видел и не читал. Вообще нужно что-то знать про мир, и журналистика — не самый плохой способ это получить. Что касается способа подачи — они тоже не настолько разные. Очень многие книги, которые сейчас кажутся классикой литературы и образцом четкого литературного стиля, писались как журналистские расследования или очерки. Я не вижу здесь никакой непереходимой границы.

Д. Быков: Мне вообще кажется, что наша журналистика в будущем будет иметь гораздо больший успех, чем наша литература. Примерно как трамвайный билет 1895 года сегодня стоит не меньше, а то и больше, чем брошюра Потапенко того же года. У меня есть ощущение, что то, что мы сегодня пишем как журналисты, пригодится будущим исследователям как материал для литературы или для истории, а то, что мы сегодня пишем как писатели, никогда и никому не пригодится.

Вопрос из зала: Дмитрий говорил вначале, что нет ориентированности «лево» — «право», поэтому невозможно произведение, которое бы отвечало единому запросу. Пишущему человеку, этому сложному человеку, то, что происходит, неинтересно. Таким образом, массовый запрос оказывается ниже того, о чем думает автор.

Д. Быков: Нет, я как человек пишущий очень бы хотел, чтобы у нас такая ценностная система появилась. Вопрос в том, какой ценой она может появиться. Человечеству регулярно задают трепку, чтобы оно вспомнило о единой ценностной системе. В последнее время мировые войны происходят в форме всемирных экономических кризисов, потому что, как выяснилось, мировые войны не очень экономичны. Нынешний экономический кризис в Америке, например, породил новую ценностную систему, следствием чего явилось творчество Франзена и замечательный роман «Поправки». Этим кризисом пахло

все последние годы, и он его точно предсказал. Поскольку в России этот кризис ударил очень опосредованно и не по многим, а остальные жили так, что им хоть кризис, хоть конец света, хуже все равно не будет, мы вряд ли получим великую литературу. Нас может к единой системе ценностей привести гражданская война. Хочу ли я этого как писатель? Да. Хочу ли я этого как обыватель? Нет. Хотя этой ценой у нас появилась бы великая литература.

М.В.: Могут ли породить великую литературу локальные войны, в частности прошлогодняя пятидневная война?

Д. Быков: Смотря кто и как ее пережил. Пока оказалось, что нет, потому что на ней не было людей, которые могли бы эту литературу произвести. Я очень хорошо отношусь к Бабченко, но это не тот человек, который может это сделать. Если эта война станет достаточно глобальной и на нее попадут достаточно хорошие писатели, мы такую литературу получим. Россия вела массу локальных войн до 17 года, начиная с Японской, да и даже германская война не породила великой литературы, а потом произошла вещь, ее породившая. Вопрос: хочу ли я такой ценой получить великую литературу? Совершенно не убежден. Но тут встает вечный вопрос, который для меня очень актуален. Что лучше: сгореть или сгнить? В пожаре что-то может уцелеть, в болоте перегнивает все. Поэтому, пожалуй что, гражданская война лучше, чем сорок лет стагнации.

Д. Бак: То есть это еще один тренд: человек и экстремальное, невыносимое, нептерносимое.

Д. Быков: Совершенно верно. Люди стали забывать аксиомы. Вот я сейчас веду в сети активную полемику, этично ли фотографироваться на фоне БОМЖей? Для меня аксиома, что нехорошо. Для миллионов людей — хорошо. Что-то их должно очень сильно встряхнуть, чтобы они поняли, что хорошо, а что плохо. Хочу ли я этого? Для торжества морали это было бы здорово, но в этом очередном торжестве морали может погибнуть субъект, а именно Россия в ее нынешнем виде. Меня эта страна достала по самое не могу, но хочу ли я, чтобы она исчезла с карты, — это большой вопрос.

М.Э.: Дима привел очень сильный аргумент про гражданскую войну, на фоне которой возникает великая литература, но я хочу успокоить присутствующих: такой прямой связи все-таки нет. Вспомним историю мировой литературы, историю русской литературы, когда в период застоя возникает то, что мы называем ее «золотым веком». «Золотой век» не пушкинский, а толстовско-достоевский.

Д. Бак: Чехов — катастро-

фа, 60-е гг. — катастрофы: Аляска, русский бунт, охота на царя...

М.Э.: Тогда мы можем сказать, что благополучных периодов в истории вообще не бывает. И тем не менее Гете творил в очень мирный период немецкой истории. И мы хотим, не чтобы у нас появился новый Бабель в результате гражданской войны, а новый Гете в результате застоя.

К.Г.: Стагнация не предполагает четкого неразделения на то, что такое хорошо и что такое плохо, она как раз пытается навязать определенные представления об этом: хорошо быть патриотом, хорошо болеть за Россию, хорошо вступать в молодежные организации, плохо поддерживать «Яблоко» и так далее. Может ли это породить если не великую литературу, то хотя бы что-то вроде лучших произведений соцреализма?

А.Г.: Я сейчас, наверное, отвечу скорее как журналист, чем как писатель, потому что как писатель я не знаю, а как журналисту мне кажется, что дело даже не в масштабе конфликтов, порождающих литературу. Это могли быть конфликты и мелкие. Но почему я не жду в ближайшие годы великой литературы и вообще ничего великого? Потому что в ситуации, когда ни у кого нет никаких серьезных представлений об этом «хорошо» и «плохо», в стране нет серьезной моральной системы, волна от события не расходится, поскольку некому ее распространять. У нас нет среды, распространяющей эти волны.

М.Э.: Действительно, эпоха застоя, как и эпоха гражданской войны, может порождать великую литературу, но эпоха, когда все не все-рьез — единственная эпоха, противопоказанная великому искусству в целом.

Марианна Ионова: Для великой литературы необходима новая система ценностей. Для новой системы ценностей необходимо потрясение. А для чего необходима великая литература, которая достается такой ценой?

Д. Быков: У меня всегда была такая своеобразная религиозно-эстетическая концепция: вся великая литература пишется, чтобы Богу было что почитать. Вот я думаю, что великий кататизм нужен, чтобы Богу было что почитать, потому что никакого другого смысла в существовании России я не вижу.

Д. Бак: Почему только России?

Д. Быков: Америка, может быть, ему поставляет технику, Япония еще что-то, Австралия — с кем поиграть, Франция — чего выпить. А Россия — что почитать. Весь мир — Божье подсобное хозяйство.

Д. Бак: Кант поколеблен. Я до сегодняшнего дня думал, что лучше него не скажешь: «Целесообразность без цели».

А оказывается, в России вся сермяжная правда.

Из зала: Дмитрий, а вы считаете свои книги массовыми?

Д. Быков: Одни считаю, другие — нет. «Эвакуатора» считаю, «ЖД» — нет, «Списанных» считаю, «Остронова» — нет. «Оправдание» — не массовая книга. У меня двое детей, и я условно пишу одну книгу для старшей девочки, а другую — для младшего мальчика. Старшая девочка любит триллеры, а младший мальчик любит про любовь. Массовым становится то, что для мальчика, а хорошим — то, что для девочки.

Д. Бак: То есть у нас три тренда: длинный роман про любовь, история, война...

М.В.: Пора подводить некие итоги. Дмитрий совершенно справедливо сказал про роман Франзена «Поправки», который лег на прилавки 11 сентября 2001 года. И вот, уже восемь лет спустя, мы удивляемся, как он точно нащупал тренд. Так вот мне кажется, что тренды всегда определяются задним числом. То же самое с «Гарри Поттером»: когда вышли вторая и третья книги, все спохватились, что это, конечно, было очевидно. Или с Пелевиным и его «Generation P». Мировые издатели в выигрышном положении: они из огромного числа присылаемых текстов могут выбирать и определять тренды из имеющегося. В отличие от кинопродюсеров, которые должны заплатить «передним», а не задним числом.

Мне кажется, что причина отсутствия великой литературы в том, что у нас нет сопротивления среды. Все более-менее великие мысли расплзлись по блогам, «аськам», чатам и так далее.

М.Э.: Очень тонкая и правильная мысль о том, что цельное мировоззрение распределяется по многочисленным каналам говорения. И очень понятно, что тренд всегда определяется задним числом и предсказать, что будет бестселлером, мало кому удается. Историки социологии и литературы расскажут нам, что было трендом в 2009 году.

А.Г.: Я хотел бы порекомендовать всем книгу о том, что мы сегодня обсуждали. Книга Нассима Никола-Талеба «Черный лебедь». Талеб называет черными лебедями явления, которые нельзя предсказать заранее, но после того, как они происходят, кажутся абсолютно логичными и неизбежными и которые оказывают большое влияние на какую-нибудь сферу. И бестселлеры — это тоже часто такие черные лебеди. Это как с набоковской «Лолитой». Для всех очевидно, что она была обречена стать бестселлером. А если бы она провалилась, все точно так же объясняли бы, что гений не может творить для массового читателя. А «Черный лебедь» — хорошая книга. Почитайте.

Журнал
«Что Читать.
Обо всем
на свете
через книги»
продолжает
подписку

Продолжается подписка
на 1-е полугодие

№50041
Индекс в объединенном каталоге

№45031
Индекс в каталоге «Почты России»

Вы можете получить по почте уже вышедшие номера.
Для этого необходимо произвести оплату (120 руб.
за номер) на наш счет. В назначении платежа указать
требуемые номера журнала, например «06-2009»

Справки по телефону:
(495) 955-79-70
E-mail: raspr@knigoboz.ru

Купон

редакционной подписки на журнал
«Что читать. Обо всем на свете через книги»
на первое полугодие 2010 года.
Стоимость подписки (включая НДС) – 600 рублей
на 6 месяцев.
В стоимость подписки включена доставка по РФ

Ф.И.О.
.....
Телефон.....

Адрес доставки:
Индекс
Область, край
Город
Улица
Дом.....
Корпус.....
квартира/офис

Доставка журнала будет осуществляться простой
бандеролью в почтовый ящик.
Ответственность за доставку несет ФГУП
«Почта России».

Подпись

Извещение	<div>Получатель: ЗАО «Издательский Дом «Книжное обозре- ние» КПП 770101001 ИНН 7701792452 Р/с 40702810100060038824 в ОАО «МДМ-Банк» г. Москва, БИК 044525466 Корр сч. 30101810900000000466 Платательщик Адрес (с индексом)</div>						
Кассир	<table><tr><td>назначение платежа</td><td>сумма</td></tr><tr><td>Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года</td><td>600 руб. 00 коп.</td></tr><tr><td colspan="2">Подпись платателя</td></tr></table>	назначение платежа	сумма	Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года	600 руб. 00 коп.	Подпись платателя	
назначение платежа	сумма						
Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года	600 руб. 00 коп.						
Подпись платателя							
Квитанция	<div>Получатель: ЗАО «Издательский Дом «Книжное обозре- ние» КПП 770101001 ИНН 7701792452 Р/с 40702810100060038824 в ОАО «МДМ-Банк» г. Москва, БИК 044525466 Корр сч. 30101810900000000466 Платательщик Адрес (с индексом)</div>						
Кассир	<table><tr><td>назначение платежа</td><td>сумма</td></tr><tr><td>Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года</td><td>600 руб. 00 коп.</td></tr><tr><td colspan="2">Подпись платателя</td></tr></table>	назначение платежа	сумма	Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года	600 руб. 00 коп.	Подпись платателя	
назначение платежа	сумма						
Подписка на журнал «Что читать» I-е полугодие 2010 года	600 руб. 00 коп.						
Подпись платателя							

Редакционная подписка
на первое полугодие

Стоимость подписки на полгода
(5 выходов) 600 рублей
(1-2 номер – сдвоенный)

Заполните подписной
купон и квитанцию

Оплатите подписку в Сбербанке

Вышлите в адрес редакции:
115054, Москва, ул. Пятницкая,
д. 71/5, стр. 2
копию квитанции об оплате
и заполненный подписной купон

Мы вышли из школы. Яркое светило солнце. Высокий коп прищурился, поднял руку, чтобы прикрыть глаза ладонью. Шлакоблок на солнце не отреагировал.

— Я детектив Такер Йорк, — представился высокий. Достал жетон, указал на Шлакоблока. — Это детектив Дон Диллон. Диллон тоже вытащил жетон. Оба показали жетоны мне. Как будто их трудно подделать.

— Чем могу вам помочь? — спросил я.
— Вы не скажете, где были прошлой ночью? — спросил Йорк.

При таком вопросе обычно включает внутренняя охранная сигнализация. Мне следовало напомнить им, кто я такой, и сказать, что я буду отвечать на их вопросы только в присутствии адвоката. Но я сам юрист и чертовски хороший адвокат. Пусть в данный момент мне и предстояло защищать свои интересы. Но как человек я очень хорошо знаю: если полиция чего-то от тебя хочет, ты стараешься идти ей навстречу. Так уж заведено.

— Я был дома.
— Кто может это подтвердить?
— Моя дочь.
Йорк и Диллон посмотрели в сторону школы.
— Та девочка, что выступала?
— Да.
— Кто-нибудь еще?
— Не думаю. А в чем дело?

Говорил только Йорк. Мой вопрос он проигнорировал.

— Вы знаете человека, которого зовут Маноло Сантьяго?
— Нет.
— Вы уверены?
— Практически уверен.
— Почему только практически?
— Вы знаете, кто я?
— Да, — кивнул Йорк, кашлянул в кулак. — Хотите, чтобы мы встали на колени и поцеловали ваш перстень?
— Я не об этом.
— Хорошо, тогда мы говорим на одном языке. — Мне не нравился его подход, но я не стал заострять на этом внимание. — Почему вы только «практически уверены», что не знаете Маноло Сантьяго?

— Имя и фамилия мне незнакомы. Не думаю, что я его знаю. Но, возможно, в каком-то процессе, который я вел, он проходил обвиняемым или свидетелем. Или лет десять назад приходил ко мне, собирая пожертвования в какой-нибудь благотворительный фонд.

Йорк кивнул, предлагая мне продолжить. Но я уже сказал все, что хотел.
— Вас не затруднит проехать с нами?
— Куда?
— Недалеко.
— Недалеко... — повторил я. — Не знаю я такого местечка.

Копы переглянулись. Теперь уже я ждал продолжения.
— Мужчину, которого звали Маноло Сантьяго, убили прошлым вечером.
— Где?

— Тело найдено на Манхэттене. В районе Вашингтон-Хайтс.
— А какое отношение это имеет ко мне?
— Мы думаем, вы сумеете нам помочь.
— Но чем? Я уже сказал, что не знаю его.
— Вы сказали... — Йорк сверился с блокнотом, но лишь для проформы: пока я говорил, он ничего не записывал, — ...что «практически уверены».

— Теперь я уверен. Вас устраивает? Я уверен.

Харлан Кобен — хороший пример производителя бестселлеров. Для него нет никаких оправданий для безделья или отдыха, он работает как машина и пишет по роману в год. Сам писатель шутит, что его книга рождается в точности, как ребенок. От момента зачатия до выхода — ровно 9 месяцев. Причем каждую книгу он заканчивает к 1 октября. За 16 лет — 16 детективов, которые переведены на 37 языков мира, включая тайский, иврит, арабский. Новый его роман вскоре выйдет в издательстве «АСТ».

Театральным жестом он захлопнул блокнот.

— Мистер Сантьяго вас знал.
— С чего вы это взяли?
— Мы бы хотели показать вам.
— А я бы предпочел все услышать.
— Мистер Сантьяго... — замялся Йорк, подбирая слова, — ...имел при себе кое-какие вещи.

— Вещи?
— Да.
— Нельзя ли конкретнее?
— Вещи, которые указывали на вас.
— В каком смысле на меня?
— На вас, ди-эй, — наконец-то подал голос Диллон, он же Шлакоблок.

— Я прокурор округа.
— Как ни назови, разницы нет. — Он насколько возможно вытянул шею. — Вы действительно начинаете меня доставать.
— Простите?
Диллон шагнул ко мне:
— По-вашему, мы приехали, чтобы уточнить вашу должность?

Я подумал, что вопрос риторический, но он ждал. По-этому я ответил:

— Нет.
— Тогда послушайте. У нас труп. Этот парень крепко с вами повязан. Вы хотите поехать с нами и помочь или продолжите играть в слова, навлекая на себя все больше подозрений?

— Вы отдаете себе отчет в том, с кем разговариваете, детектив?
— С парнем, который собирается бороться за должность и наверняка не хочет, чтобы мы сообщили кое-что прессе.
— Вы мне угрожаете?
— Никто никому не угрожает, — вмешался Йорк.

Но Диллон ударил по больному месту. Я лишь временно исполнял обязанности прокурора округа. На эту должность до очередных выборов меня назначил друг, губернатор Штата садов. Шли также серьезные разговоры о том, что я смогу поучаствовать в выборах в конгресс, а то и побороться за место в сенате. Я бы солгал, сказав, что

лишен политического честолюбия. И скандал, даже намеки на скандал, мог бы мне сильно навредить.

— Не понимаю, как я сумею вам помочь.
— Может, сумеете, а может — нет. — Диллон повертел головой-шлакоблоком. — Но вы захотите помочь, если будет такая возможность, не так ли?
— Разумеется. Я тоже не хочу, чтобы у вас появлялись лишние проблемы.
Тут он почти улыбнулся:
— Тогда прошу в машину.
— У меня во второй половине дня важное совещание.

— Мы вас привезем.
Я ожидал увидеть побитый жизнью «шевроле-каприз», но они приехали на сверкающем «форде». Я сел на заднее сиденье. Мои новые друзья устроились впереди. Долго ехали молча. На мосту Джорджа Вашингтона угодили в пробку, но включили сирену и проследовали. Заговорил Йорк уже на Манхэттене.

— Мы думаем, что Маноло Сантьяго — вымышленные имя и фамилия.
— Понятно, — ответил я, не зная, что и сказать.

— Видите ли, мы нашли его прошлой ночью. В водительском удостоверении значилось «Маноло Сантьяго». Мы его проверили. Поддельное. Проверили по картотеке отпечатки пальцев. Безрезультатно. Так что мы не знаем, кто он.

— И вы думаете, что я его опознаю?
Они не потрудились ответить.
— Вы вдовец, мистер Коупленд, так? — ненавязчиво спросил Йорк.

— Да.
— Наверное, нелегко одному воспитывать ребенка.

Я промолчал.
— Как мы понимаем, ваша жена умерла от рака. Вы активно участвуете в деятельности одной организации, которая занимается поисками эффективного способа лечения.

— Вы правы.
— Восхитительно.
Если бы они знали!

— Должно быть, вам это кажется странным, — продолжил Йорк.

— Что именно?
— Оказаться на другой стороне. Обычно вы задаете вопросы, а не отвечаете на них. И это наверняка необычно для вас. — Он улыбнулся мне в зеркало заднего вида.

— Эй, Йорк! — обратился к нему я.
— Что?
— У вас есть программка?
— Что?

— Театральная программка. Чтобы я посмотрел, какие роли вы исполняли до того, как получили эту, доброго копа.

Йорк хохотнул:
— Я лишь сказал, что для вас это необычная ситуация. Раньше вас допрашивала полиция?

Это был вопрос на засыпку. Они не могли не знать. В восемнадцать лет я работал вожатым в летнем лагере. Несколько отдыхающих — Джил Перес и его подружка, Марго Грин, Дуг Биллингэм и его подружка, Камилла Коупленд (моя сестра) — как-то поздней ночью ускользнули в леса. Живыми их больше не видели.

Нашли только два тела. Марго Грин, семнадцати лет, с перерезанным горлом лежала в сотне ярдов от лагеря. Дуг Биллингэм, тоже семнадцатилетний, в полумиле от нее. У него было несколько колотых ран, но причиной смерти тоже стало перерезанное горло. Тел Джилы Переса и моей сестры Камиллы обнаружить не удалось.

Эта история попала на первые полосы газет. Уэйна Стюбенса, богатенького парня, который тоже работал вожатым, поймали два года спустя (после его третьего кошмарного лета), но к тому времени он убил еще как минимум четырех подростков. Его окрестили Летним Живодером. Двух следующих жертв Уэйна нашли около лагеря бойскаутов в Манси, штат Индиана. Еще одну — около одного из летних лагерей в Виенне, штат Виргиния. Последнюю — около спортивного лагеря в Поконосе. Чуть ли не всем им Уэйн перерезал горло. Жертв хоронил в лесу, некоторых еще до смерти. Именно так: закапывал живыми. Поиски тел заняли немало времени. В Поконосе убитого юношу нашли через четыре месяца после убийства. Большинство экспертов сходились на том, что в лесу захоронены и другие тела, пока не найденные. Как и тело моей сестры.

Уэйн не признался в содеянном и, даже проведя последние восемнадцать лет в тюрьме самого строгого режима, настаивал, что к первым четырем убийствам никакого отношения не имел. Я ему не верю. Тот факт, что два тела до сих пор не обнаружены, добавляет этой истории загадочности и вызывает пересуды. Привлекает к Уэйну внимание. Я думаю, ему это нравится. Но неизвестность вызывает чертовскую боль.

Я любил сестру. Мы все любили. Большинство людей уверены, что нет ничего более жестокого, чем смерть. Конечно, они ошибаются. Ничто не может сравниться по жестокости с надеждой. Если живешь с ней, сколько прожил я, создается полное ощущение, что голова твоя лежит на плахе, а топор вознесен над ней дни, месяцы, годы, и ты уже с нетерпением ожидаешь момента, когда он опустится на твою шею. Большинство верит, что моя мать сбежала, поскольку погибла моя сестра. На самом деле причина в другом. Мать ушла от нас из-за того, что мы не смогли доказать: Камилла была убита.

Перевод с английского Виктора Вебера

«русский балет»

альбом

Танец в преломлении

Мария Мельникова

История «Русского балета», реальная и фантастическая в рисунках, мемуарах и фотографиях из архива Михаила Ларионова.

М.: Издательская программа «Интерроса», 2009. — 432 с.: ил. — (Первая публикация). Тираж не указан (п). ISBN 978-5-91491-013-3

Шут. Эскиз костюма к балету «Шут». 1921

L'equilibre de la danse. Танцовщица в голубом. Конец 1920-х — начало 1930-х

«Падающий с большой высоты, разбивающийся в пыльный мираж, играющий миллионами радуг. В соприкосновении с настоящими солнцами, а таких много было на пути Д. /Дягилева/, так как он их искал, чтобы преломиться, а иногда творил радугу из простых фонарей. Я не хочу продолжать этих сравнений, уж слишком это патетично. Но это так», — так, по замыслу Михаила Ларионова, должна была начинаться книга о Сергее Дягилеве и его «Русском балете». Книга предполагалась впечатляющая — как и роль, которую Ларионов сыграл в жизни страстно любимой им легендарной антрепризы. Войдя в «команду» Дягилева в качестве разработчика костюмов и декораций, художник открыл в себе совершенно неожиданную страсть к хореографии, которой никогда раньше не интересовался, и вскоре начал принимать деятельнейшее участие не только в оформлении сцены, но и в написании либретто и постановке танцев. Остальное, как говорится, история — «Полуночное солнце», «Русские сказки», «Шут», «Байка про Лису»... Материалы для своего труда Ларионов собирал долго и тщательно, но при жизни так и не успел преобразить их в книгу. Однако чудеса случаются, и книга все-таки появилась. Возникла в рамках запущенной издательской программой «Интерроса» серии «Первая публикация» из части огромного архива, что по завещанию вдовы художника был передан в 1989 году в Государственную Третьяковскую галерею и до недавнего времени лежал в запасах. В солидном томе, действительно, много и реального, и фантастического — рукописи Ларионова, незавершенный макет его книги о «Русском балете» (истинный художник, он первым делом принялся за изобразительно-оформительную часть), эскизы костюмов и декораций, хореографические схемы и зарисовки с репетиций и из актерских гримерок, фотографии. Разумеется, это нельзя считать «официальной» историей дягилевского балета: Ларионов был человеком непросто-го характера, и без субъективности и предвзятости (подчас весьма трогательных) не обошлось. Это «Русский балет» в ларионовском преломлении — что не менее интересно и увлекательно.

Танец летуч и мгновенен, он «здесь и сейчас», и даже в высококачественной видеозаписи будет уже не то. А печатное издание и вовсе плоско и неподвижно — нелегко, очень нелегко сделать книгу, не просто рассказывающую о балете, но передающую — хотя бы в какой-то мере — его бытийное очарование. Но, как показывает «История "Русского балета"», можно. У «правильно» мыслящего книгоиздателя этот фолиант вызовет, скорее всего, такой же ужас, какой вызывали у добропорядочных обывателей начала XX века ни на что не похожие первобытные пляски из «Весны священной» и эротическая истома отдыхающего под музыку Дебюсси фавна. Переплет имеет форму не привычного прямоугольника, а прямоугольной трапеции, и всему, что находится под ним, приходится соответствовать. Под углом летит по бумаге текст, иногда вторгаясь на территорию фотографий и эскизов, а они в свою очередь так и норовят, изящно развернувшись, отпрыгнуть от читательского глаза куда-нибудь в уголок страницы и даже кокетливо чуть-чуть спрятаться за ее край. Да и сами страницы периодически преподносят сюрприз, меняя очертания. Вспоминаешь одновременно и о суприматической игре форм, и о закулисной суматохе, и о творческом беспорядке эскизов и набросков. Ларионову наверняка бы понравилось.

А пока издание готовилось к выходу, в Третьяковской галерее продолжалась работа по систематизации и обработке архива художника. Так что, может быть, эта книга станет не последней главой в реальной и фантастической истории дягилевского феномена.

Сергей Дягилев с цветком. 1915-1916

Лель. Эскиз костюма к балету «Полуночное солнце». 1915

Танец. 1940-е

Шут. Эскиз костюма к балету «Шут». 1921